

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра истории русской литературы

Выпускная квалификационная работа на тему:
Проза Александра Грина: Эволюция хронотопа.
Направление 032700 «Филология»

Выполнила:
студентка Мария Игоревна Клевцова
Научный руководитель:
Доктор филологических наук, профессор Игорь Николаевич Сухих
Рецензент:
Кандидат филологических наук, ассистент
Ксения Сергеевна Оверина

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	2
Глава I. Александр Грин.....	5
I. I. Жизнь и творческий путь Александра Грина.....	5
I. II. Гринландия.....	13
Глава II. Художественный хронотоп.....	20
II. I. Хронотоп как литературоведческое понятие.....	20
II. II. Хронотоп Александра Грина.....	23
Глава III. Хронотопы Гринландии.....	34

III. I. Хронотоп дороги.....	34
III. I. I. Хронотоп морского пути.....	41
III. II. Хронотоп города.....	47
III. III. Хронотоп Мира.....	52
Заключение.....	58
Список использованной литературы.....	60
Приложение.....	65
1. Карты Гринландии.....	65
2. Топографический указатель.....	65

Введение

Тема, выбранная нами для исследования, звучит так: «Проза Александра Грина: эволюция хронотопа».

Безусловно, Грин оставил после себя огромное культурное наследие. Прежде всего, он известен как автор феерии «Алые паруса» и романа «Бегущая по волнам»; но, помимо этого, им написано достаточно большое количество рассказов и повестей, действие которых происходит в определенном пространстве, где грани фантастики причудливо переплетаются с реальностью.

Это некая страна, которая во многом пересекается с реальными географическими пунктами; читатель отчетливо понимает, что находится на Земле, но при этом точно не знает, где именно.

...«Гринландия» – такое название позже даст ей советской критик и литературовед Зелинский¹.

Как и любая страна, Гринландия обладает своим неповторимым времяпространством, иначе говоря – хронотопом. В результате исследования хронотопа Гринландии в произведениях А. С. Грина, мы обнаружили, что это явление до сих пор недостаточно изучено, что определяет актуальность нашей темы и требует дальнейшего исследования.

Хронотоп этого мира разнообразен. Создание и видоизменение этой полувывымышленной Вселенной, легко прослеживаются даже в период первоначальных исследований. Почему «полу»? Потому, что многие описания природы, мест легко узнаваемы для читателя, при условии, что последний когда-либо бывал в земной аналогии описываемого места, например, в Крыму или на Кавказе.

При сопоставлении ранних и поздних произведений, где-то выявляются неточности, но из-за этого неведомая страна становится более живой и красочной. Мы словно наблюдаем со стороны за ее возникновением – сначала она проявляется лишь отдельными кусочками (как появился остров Рено в одноименном рассказе), а затем – разворачивается во всю ширь,

---

¹ Зелинский К. Л. Жизнь и творчество А. С. Грина // Грин А. С. Фантастические новеллы. М., 1934. С. 3–35.

превращается практически еще в одного героя произведений (феерия «Алые паруса» и другие).

Рассказы Грина зачастую требуют времени для осознания и размышления. Они далеко не такие светлые и радостные, как это мог бы предположить неискушенный читатель, знающий писателя лишь по «Алым парусам» или «Бегущей по волнам». В них поднимаются серьезные проблемы, рассматриваются разные стороны жизни. И все же Гринландия в этих рассказах раз за разом погружает читателя в фантастическую атмосферу вселенной.

И, безусловно, уникальные временные и пространственные характеристики страны очень важны для наилучшего понимания происходящего в произведениях Грина. Исходя из этого, мы определяем хронотоп страны Гринландии в качестве объекта нашего исследования. Поскольку в одной работе охватить все грани хронотопа невозможно, предметом нашего исследования является эволюция хронотопа этой страны.

Материалом исследования для наших изысканий стали произведения Грина, в которых присутствует страна Гринландия.

Нам нужно определить, как именно развивались хронотопы Гринландии в процессе появления новых произведений; это и будет являться целью нашего исследования.

Таким образом, становятся понятными задачи.

Во-первых, необходимо изучить биографию А. С. Грина, чтобы возможно было определить, насколько реальный мир нашел отражение в стране писателя.

Во-вторых, следует уточнить границы понятия «хронотоп». Безусловно, мы не можем изучать это явление в частности (т.е. его эволюцию), не имея достаточной теоретической базы в целом.

В-третьих, требуется тщательно исследовать своеобразие художественного времени и пространства в вымышленной стране.

И, наконец, в-четвертых, мы должны раскрыть возникновение и развитие хронотопа в произведениях А. С. Грина.

Для проведения подробного исследования мы использовали следующие методы: традиционный историко-литературный метод, анализ поэтики художественного мира, а так же элементы историко-сравнительного подхода.

Глава I. Александр Грин

I. I. Жизнь и творческий путь Александра Грина

Прежде чем говорить о творческом пути писателя, требуется хотя бы коротко рассказать о его биографии. Вот как Грин писал о себе: «Я родился в г. Вятке, в 1880 году, 11 августа; образование получил домашнее; мой отец, Степан Евсеевич Гриневский, служил в земстве, а в Вятку попал из Сибири, куда был в 63-м году сослан за восстание в Польше. Моя мать – русская, уроженка г. Вятки, Анна Степановна, скончалась, когда мне было 12 лет.

16 лет я уехал из Вятки в Одессу, где служил матросом в Р.О.П. и Торг. и в Добровольном Флоте. Я проплавал так три года, затем вернулся домой и через год снова пустился путешествовать. После различных приключений я попал в 1906 году в Петербург, где напечатал первый свой рассказ в “Биржевых ведомостях” под названием “В Италию”».

Всего мной написано и напечатано (считая еще не вошедшее в книги) около 350 вещей»².

На момент написания этой автобиографической справки жить писателю оставалось примерно 6 лет.

Безусловно, такая заметка не дает полноценного представления о жизни Грина, но и по ней очевидна его непростая жизнь. Когда изучаешь более подробно его биографию, невольно удивляешься: как человек, на чью долю выпали такие испытания, смог создать «Алые паруса», «Бегущую по волнам» и придумать фантастичную Гринландию?

Творческий путь Грина складывался своеобразно. В истории литературы достаточно примеров, когда писатель, начинавший с романтических произведений, позже «уходил» в реализм, но тут все произошло противоположным образом.

В. С. Вихров пишет: «Он и начинал свой литературный путь как “бытовик”, как автор рассказов, темы и сюжеты которых он брал непосредственно из окружающей его действительности»³. Это было

---

² Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. В. Лидина. М., 1928. С. 98.

³ Вихров В. С. Рыцарь мечты // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1980. Т. 1. С. 21. Далее ссылки на это издание даются в тексте; римская цифра обозначает номер тома, арабская – номер страницы.

закономерно. На момент начала творческого пути перепал довольно сложный период жизни Грина. Неоднократные ссылки, практически постоянная нужда скрываться под различными псевдонимами, вечные бытовые проблемы – такой образ жизни оставил довольно сильный отпечаток на раннем творчестве писателя.

Впрочем, нужно подчеркнуть, что реалистические произведения «пунктиром прошивали его творческую биографию до самого конца»⁴. И хотя они, безусловно, уступали сотворенному позже цельному миру Гринландии, но их создание было необходимо для полноценного становления его как автора; так формировались собственные «эстетические принципы будущей романтической концепции писателя»⁵.

Творческие способности Александра Грина проявились еще в детстве. Его сочинения в реальном училище выделялись из ряда других, но зачастую получали отзыв: «Написано отлично, но не на тему»⁶. В юном возрасте, будучи еще в реальном училище, он писал стихи, отправлял их в журналы, но ответов не было. За одно из стихотворений, не самым лестным образом характеризующее педагогов, Грин был исключен из Вятского реального училища.

Затем, в подростковом возрасте, к нему пришло желание стать моряком. Первое путешествие было в Одессу, следом он поступил юнгой на пароход Платон. Опыт этого плавания позднее пригодился ему при написании «Алых парусов». И хотя в том рейсе очень впечатлили Грина и Кавказ, и Крым, но «огни вечерней Ялты запомнились больше всего. Огни порта сливались с огнями невидимого города. Пароход приближался к молу при ясных звуках оркестра в саду. Пролетел запах цветов, теплые порывы ветра; слышались далеко голоса и смех»⁷. Плавания на Платоне были недолгими: после второго

---

⁴ Ковский В. Е. Блистающий мир Александра Грина // Грин А. С. Собр. соч.: в 5 т. М., 1991. Т. 1. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Варламова Л. М. Музей Грина. Феодосия. Старый Крым. Путешествие в страну Гринландию. Симферополь, 2005. С. 22.

⁷ Грин А. С. Автобиографическая повесть // Воспоминания об А. С. Грине / Сост. В. Сандлер. Л., 1972. С. 57.

рейса у Грина произошел конфликт с капитаном, и будущий писатель покинул корабль.

Ему снова пришлось искать место, и он случайно попал на парусник Святой Николай. И, хотя плавание было очень трудным, Грин уже в то время не мог жить без мечты и сказок. Он замечал прекрасное, несмотря на тяжелую работу. Вот как писатель позднее изобразил пейзажи около Херсона: «Все стало розовым – заря, камыши, вода, нигде я не видел берега, а если видел, то не узнавал его, принимая за острова. В этом дремуче-зеленом, ярко пылающем зарей мире зеленые отражения под водой, отражения встречных парусов, золото с вином солнца и торжественная белизна свивающихся из туманов озаренных облаков сверкали, как изображение полного счастья рукой природы, и теми средствами, какие даны ей»⁸. Возможно, в тех плаваниях юный Грин впервые начал задумываться о своей Стране, стремясь отвлечься от суровой действительности.

Затем было вынужденное возвращение в Вятку, тяжелый год, проведенный в Баку, и служба в царской армии. Бесспорно, это было сложное время, но жизненный опыт, полученный в результате нелегких уроков, позднее нашел отражение в произведениях Грина.

В армии он попал в карцер, откуда вскоре сбежал. А в 1903 году Грин приехал в Севастополь по заданию революционной организации.

Знакомство с городом произвело на него сильное впечатление, и позднее в городах его собственной Страны появились места, похожие на Севастопольские. Тогда же произошло еще одно знаменательное для Грина событие: близкий товарищ Быховский, прочитав составленную Грином прокламацию, обронил ему: «Гриневский, из тебя, мне кажется, мог бы выйти неплохой писатель...»⁹.

«Эти слова, – рассказывал Александр Грин, – как удар, толкнули мою душу, зародив в ней тайную, стыдливую мечту о будущем. До сих пор я не знал, к чему стремиться, во мне был хаос и смута желаний; вечная нищета не давала мне возможности остановиться на каком-то твердом решении о своем

---

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Воспоминания об А. С. Грине. С. 434.

будущем. Уже испытанное: море, бродяжничество, странствия показали мне, что это все-таки было не то, чего жаждет моя душа. А что ей было нужно, я не знал. Слова Быховского были не только толчком, они были светом, озарившим мой разум и тайные глубины моей души. Я понял, чего я жажду, душа моя нашла свой путь. Это было, как первая любовь. Я стыдился даже своих мыслей об этом, считая, что для писателя очень ничтожен, мало знаю, мало могу, и, быть может, нетерпелив. Но зароненная настоящая мысль не угасала. Постепенно я стал понимать, что меня всем существом тянет к писательству, хотя еще не понимал, как это произойдет»¹⁰.

Затем был арест, тюремное заключение сроком в 2 года, амнистия из-за революции 1905 года, еще один арест, но уже в Петербурге, и, как своеобразный итог, – ссылка в Тобольскую губернию.

Следствием всего произошедшего стал первый рассказ писателя, «Заслуга рядового Пантелеева», появившийся в 1906 году. Произошло это так: «Быховский как-то пожаловался Грину, что партия нуждается в агитке для распространения в войсках. Гринеvский [настоящая фамилия Грина – прим. авт.] ответил: “Я вам напишу”. И действительно вскоре принес рассказ»¹¹. Впрочем, до обычных читателей произведение не дошло, весь тираж был сожжен в типографии; следующую агитку «Слон и Моська» постигла такая же участь.

Первым же напечатанным произведением стал изданный в 1906 году рассказ «В Италию».

Затем появились еще несколько, последний из которых, «Случай», впервые был подписан столь привычным для нас псевдонимом – «Грин».

В 1908 вышел первый сборник, озаглавленный «Шапка-невидимка». Название ему было дано не по одному из произведений в нем, а благодаря первой жене писателя – Вере Павловне Абрамовой (Калицкой). Она посоветовала ему тогда: «Ты сейчас живешь под чужим именем, как бы под

---

¹⁰ Там же. С. 435.

¹¹ Калицкая В. П. Моя жизнь с Александром Грином: Воспоминания. Письма. Феодосия; М., 2010. С. 27.

шапкой-невидимкой, пусть первая книга твоя так и называется “Шапка-невидимка”»¹².

Варламова пишет, что «преддверьем гриновского романтизма стали два рассказа – “Она” и “Воздушный корабль”»¹³. И уже в 1909 появился особенно важный для нас рассказ – «Остров Рено», впервые открывающий читателю Гринландию.

Несмотря на то, что рассказ фантастичен, а действие происходит в вымышленной стране, читатель легко улавливает тревогу реальной жизни. В статье «Литературные силуэты» критик Л. Войтоловский отозвался об «Острове Рено» так: «Может быть, этот воздух не совсем тропический, но это новый особый воздух, которым дышит вся современность – тревожная, душная, напряженная и бессильная»¹⁴. Там же критик привел определение гриновского романтизма: «Романтика романтике рознь. И декадентов называют романтиками... У Грина романтизм другого сорта. Он сродни романтизму Горького... Он дышит верой в жизнь, жаждой здоровых и сильных ощущений»¹⁵.

После этого рассказа у Грина появлялись реалистические произведения, но в романтическом творчестве он обрел свой собственный художественный почерк, впоследствии проявляющийся даже в реалистических работах.

В последних, впрочем, Грин практически никогда не обозначал точно время и место действия, оставляя их «за кадром» происходящего.

Рассказывал лишь о тех или иных событиях, иногда даже не раскрывая имена героев – так, например, в рассказе «Третий этаж» мы знаем лишь клички персонажей – «Мистер», «Барон» и «Сурок». Таким образом, у писателя встречаются тексты, в отношении которых сложно определить, с каким из миров (реальным или вымышленным) связан тот или иной рассказ. В большей степени это относится, разумеется, к написанному в 1914–1916 годы.

---

¹² Там же. С. 127.

¹³ Варламова Л. М. Музей Грина. ... С. 37.

¹⁴ Цит. по: Варламова Л. М. Музей Грина. ... С. 37.

¹⁵ Там же.

В. Е. Ковский отмечает: «В произведениях Грина мир предстает перед нами “странным, закутанным в цветной туман”. Изменяется лишь степень приближения к реальной действительности, подчас просвечивающей сквозь сюжетную канву, а подчас подмененной абсолютным правдоподобием вымысла»¹⁶. Нельзя не привести здесь очень верное и точное замечание К. Фриу: «Реалистическое видение Грина тонко комбинируется с фантастикой, на которую постепенно переносится центр тяжести...»¹⁷.

Кроме того, Грин «переносит» в свою Страну отражения реальности: так в «Трагедии плоскогорья Суан» появляется Блюм, «олицетворение всего скотского, что есть в человеке»¹⁸, и, в противовес ему, Тинг, «сын леса» (I, 429), чье имя звучит, словно звон меди. Грин прописывает отличия между героями особенно тщательно, показывая тем самым Блюма и его характер как можно более полно. Писатель делает это с одной определенной целью: «понять зло, заглянуть ему в глаза»¹⁹. Это подтверждается словами Тинга в конце рассказа: «Я хочу понять. И когда пойму, буду спокоен, весел и тверд, как раньше» (I, 449). Это и было своеобразным творческим методом Грина: он рассматривал какое-либо явление, «извлекая его из области привычных бытовых ассоциаций»²⁰.

Возможно, именно поэтому многие авторы отмечают «реализм романтика Грина». Сандлер объяснял это так: «Дело не только в том, что Грин до конца жизни не переставал писать рассказы, “действие которых происходит в России”, а в том, что в сущности глубоко реалистическим остался его метод анализа жизни. Условна страна Грина как географическое понятие, но не условна ее фауна и флора, а главное – люди в ней живущие»²¹. Уникальная способность писателя заключалась в умении «синтезировать

---

¹⁶ Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. С. 182.

¹⁷ Цит. по: Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. С. 186.

¹⁸ Варламов А. Н. Александр Грин. М., 2005. С. 103.

¹⁹ Там же.

²⁰ Саидова М. Е. Метафоричность романтических новелл А. Грина // Статьи по филологии. Сб. научных работ аспирантов фак-та. рус. яз. и лит. Тадж. ун-та. Душанбе, 1972. Вып. 3. С. 59.

²¹ Воспоминания об А. С. Грине. С. 6.

элементы буржуазной действительности так, чтобы они представляли в эстетическом воплощении не просто “как в жизни”, но как сама жизнь»²².

На фон этого совсем не удивительно, что Грину непросто давались публикации рассказов. В 1914 году Грин писал В. С. Миролубову, редактору «Нового журнала для всех», где он печатал свои рассказы: «Мне трудно. Нехотя, против воли, признают меня российские журналы и критики; чужд я им, странен и непривычен...»²³.

«Странен и непривычен был Грин в обычном кругу писателей-реалистов, бытовиков, как их тогда называли. Чужим он был среди символистов, акмеистов, футуристов...» (Вихров, I, 18), – подчеркивает Вихров «инородность» писателя, а поэт В. М. Саянов так характеризует Грина: «сказочник странный» (Вихров, I, 15).

Тем не менее, в 1913 году было выпущено первое трехтомное собрание сочинений писателя, имевшее большой успех. 1914–1915 годы ознаменовались предреволюционной обстановкой в стране и Первой мировой войной. На все события, происходящие вокруг него, Грин остро реагировал: отрицание войны отразилось в рассказах “Волчок” и “Баталист Шуан”; восстание – в “Зурбаганском стрелке”, а борьба партий – в “Возвращенном аде”²⁴.

Произошедшую затем революцию Грин переживал очень болезненно (это отражено в произведениях 1918–1919 годов). Как следствие, появилась новая главная тема в произведениях: столкновение свободы и несвободы. Особенно она развернулась в поздних романах «Блистающий мир» (1923), «Джесси и Моргиана» (1929) и «Дорога никуда» (1930).

Важным аспектом творчества писателя в эти годы становится то, что он, словно в противовес окружающей обстановке, «высветляет» свою романтику, находит своего героя: если прежде в его произведениях человек искал счастья для себя, теперь появляются люди, приносящие счастье другим²⁵.

---

²² Кобзев Н. А. Некоторые особенности творческого метода А. Грина // Вопросы русской литературы. 1969. Вып. 3. С. 44.

²³ Цит. по кн.: Тарасенко Н. Ф. Дом Грина: Краеведческий очерк. Симферополь, 1979. С. 45.

²⁴ См.: Варламова Л. М. Музей Грина. ... С. 44.

²⁵ Там же. С. 47.

И в это же время появляются первые наброски самого, без сомнения, фантастического произведения, той феерии, которая до сих пор считается, пожалуй, наиболее известной среди творчества писателя: повести «Алые паруса». Она писалась Грином несколько лет и была закончена в черновом варианте в 1920 году. Писатель посвятил ее своей второй жене, Нине Николаевне Грин.

Грину сложно давалось начало этой повести (как, впрочем, и многих других произведений). Сохранились первые наброски; по ним можно увидеть, что сначала действие должно было развиваться в Петрограде; позднее Грин перенес его в свою Страну²⁶.

«Алые паруса» являются не просто сказкой, ведь в основе их лежит важный жизненный постулат; то, что для самого Грина было главным и определяющим: «Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками» (III, 69).

К. Г. Паустовский, прочитав это произведение, отзывался так: «Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе “Алые паруса”, то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству»²⁷.

Книга «Алые паруса» и первый роман Грина «Блистающий мир» вышли в 1923 году. Тогда же, как раз после получения гонорара за публикацию романа (вышедшего в журнале «Красная Нива»), Александр Грин отправился в Крым. Путешествие было, по всей видимости, успешным, потому что по его итогам Грины приняли решение переехать в Крым навсегда.

И в 1924 году Грин с женой Ниной Николаевной (а также ее матерью) оказались в Феодосии. Именно этот переезд открыл для писателя новые страницы творчества. «В этом поступке Грина, – писал К. Г. Паустовский, – отразился верный инстинкт писателя: приморская жизнь была той реальной питательной средой, которая давала ему возможность выдумывать свои рассказы»²⁸.

---

²⁶ Там же. С. 52.

²⁷ Паустовский К. Г. Александр Грин // Собр. соч.: в 6 т. М., 1957. Т. 2. С. 487–699.

²⁸ Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина // Там же. Т. 5. С. 567.

Грин быстро прижился в Феодосии, почувствовал себя своим в этом шумном портовом городе, который окружало море. Оно всегда оказывало на его творчество огромное влияние, а Феодосия подарила писателю множество встреч с замечательными людьми. Впоследствии многие из этих людей послужили прототипами для его художественных образов. Вообще, реальные события и встречи часто отражались в произведениях писателя, сам он однажды сказал так: «Я – это мои книги»²⁹.

Впервые за много лет у Грина наконец-то появилась возможность работать в уюте и спокойствии, в окружении только близких, приятных ему людей. И это не могло не сказаться на его творчестве. Были написаны романы «Золотая цепь», «Джесси и Моргиана», «Дорога Никуда», «Бегущая по волнам», рассказы «Посидели на берегу», «Возвращение», «Фанданго» и многие, многие другие произведения. В целом, писатель за шесть лет создал четыре романа, две повести, примерно сорок рассказов и новелл.

А главное – именно в эти годы сформировался наиболее полный облик Гринландии. К ней и пришло время обратиться.

I. II. Гринландия

Возникновение Гринландии было закономерно. Грин всегда стремился к новым землям и открытиям, но жизненные обстоятельства не позволяли ему претворить мечты в реальность. Писатель был «романтиком по сути дарования, строю души, который не смогли поколебать в нем самые жестокие условия реальной жизни»³⁰. Неоткрытые острова, огромные океаны и прочие земные уголки были «смертельно любопытны» ему. Грин невыразимо любил странствия, он «с 8 лет <...> начал думать о путешествиях. Жажду путешествия <...> сохранил до самой смерти. Каждое путешествие, даже самое незначительное, вызывало у него глубокое волнение»³¹. Важно, конечно, учитывать, что при этом имелись в виду путешествия «по зову

---

²⁹ Тарасенко Н. Ф. Дом Грина. С. 25.

³⁰ Варламова Л. М. Музей Грина. ... С. 33.

³¹ Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина. Т. 5. С. 555.

души», а не вынужденные, коими являлись, например, неоднократные ссылки³².

У Грина практически не было возможности обнаруживать кусочки таинственной Земли в настоящей жизни – и он начал делать это в воображении. С детства оно было очень точным, поэтому, «когда он стал писателем, то представлял себе те несуществующие страны <...> не как туманные пейзажи, а как хорошо изученные, сотни раз исхоженные места»³³.

Очевидны изменения, происходящие с пространством в произведениях: «Сначала исчезают временные и географические приметы, потом происходит подстановка вместо них примет псевдоконкретных (улица Пса, Равнина дождей, Пролив Бурь), затем Евстигнеев, Сергеи, Глазуновы, Чернецкие превращаются в Аянов, Гольцев, Энохов, Кволллей»³⁴. Тут важно упомянуть, что «новые» имена никак не влияли на характеры персонажей. Как пишет Э. М. Арнольди, «несмотря на экзотичность [имен – прим. авт.], в них было что-то смутное, но явственно осязаемое русское. За Гнорами, Ноками, Медирами нередко скрывались какие-то свои, знакомые и понятные люди, в которых просвечивали черты Иванов и Василиев. Особенно часто они напоминали русских интеллигентов на рубеже XIX и XX веков...»³⁵. Таким образом, постепенная трансформация пространства вокруг практически не изменяла населяющих его людей, их типажи и характеры.

С каждым новым произведением Гринландия все больше обретала свои границы. Н. Г. Медведева отмечает: «Контуров вневременной Гринландии складываются постепенно, но со временем она становится ясно очерченным полуостровом с прилегающей к нему частью материка»³⁶. И сам Грин исподволь все дальше отходил от реальности, при этом погружаясь в Гринландию. Он мог бы оставаться там вечно, и, по упоминанию Тарасенко, говорил так: «До конца дней своих я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения»³⁷.

---

³² См.: Воспоминания об А. С. Грине. С. 507.

³³ Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина. Т. 5. С. 555.

³⁴ Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М., 1969. С. 195.

³⁵ Арнольди Э. М. Беллетрист Грин // Воспоминания об А. С. Грине. С. 280.

³⁶ Медведева Н. Г. Вымысел vs Мимесис // Очерки русской литературы XX–XXI вв. С. 10.

³⁷ Тарасенко Н. Ф. Дом Грина. С. 27.

В определенном смысле Гринландия для писателя стала местом, куда всегда можно было – не сбежать, нет, – но ненадолго уйти, забыв о суровой реальности. Так пишет об этом Арнольди в своем очерке «Беллетрист Грин»: «Мне думается, что Грин жил в своих рассказах и переживал то необычное, к которому его влекло, между тем как в действительности оно оставалось несбывшимся. Он жил своей богатой фантазией, жил многими жизнями своих героев, волновался их чувствами и получал удовлетворение, какое не мог или не умел найти в обыденности. Я догадываюсь, что Грин часто сам был персонажем своих рассказов и растворялся в них своими влечениями, мечтами, идеалами. Он присутствует в своих рассказах таким, каким ему хотелось стать, но – не удалось!»³⁸.

Находится этому и еще одно подтверждение. В. Лидин приводит такое суждение писателя: «У Грина есть свой мир, – сказал он [Грин – прим. авт.] мне наставительно, когда я подсел к нему. – Если Грину что-нибудь не нравится, он уходит в свой мир. Там хорошо, могу вас уверить»³⁹. И мы, при чтении произведений, словно следуем за писателем: границы действительности все больше стираются, а мы в какой-то момент осознаем себя в совершенно другой реальности.

К. Г. Паустовский в своем очерке «Жизнь Александра Грина» пишет, что «Остров Рено» стал для Грина «первым рассказом, написанным без оглядки, лишь в силу свободного внутреннего побуждения»⁴⁰. Это высказывание особенно примечательно потому, что с этого рассказа и начинается Гринландия.

Появление Страны в нем почти незаметно, потому что писатель, упоминая знакомые места (Цейлон и Зеландия), путает нас, заставляя в какой-то момент даже поверить в реальное существование острова. И, лишь убедившись, что в названии острова нет опечатки, мы задумываемся над тем, где же разворачивается действие. Кроме того, остров Рено преподносит нам ту часть Гринландии, которая потом практически не возникает: тропическую.

---

³⁸ Арнольди Э. М. Беллетрист Грин. С. 293.

³⁹ Лидин В. Остров Триголотид // Воспоминания об А. С. Грине. С. 304.

⁴⁰ Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина. Т. 5. С. 565.

Надо заметить, что большая часть Гринландии, судя по описаниям, расположена в умеренном климате, и остров Рено особенно выделяется на фоне остальных мест. Возможно, такой контраст был использован писателем намеренно, чтобы полученные читателем впечатления были максимально яркими.

Буйство красок, изображенное Грином, поражает воображение: «Чужая, прихотливо-дикая чаща окружала его. Серо-голубые, бурые и коричневые стволы, блестя переливчатой сеткой теней, упирались в небо спутанными верхушками, и листва их зеленела всеми оттенками, от темного до бледного, как высохшая трава. Не было имен этому миру. <...> Казалось, что из огромного зеленого полотнища прихотливые ножницы выкроили бездну сочных узоров. Густые, тяжелые лучи солнца торчали в просветах, подобно золотым шпагам, сверкающим на зеленом бархате. Тысячи цветных птиц кричали и перепархивали вокруг. Коричневые с малиновым хохолком, желтые с голубыми крыльями, зеленые с алыми крапинками, черные с фиолетовыми длинными хвостами – все цвета оперения шныряли в чаще, вскрикивая при полете и с шумом ворочаясь на сучках. Самые маленькие, вылетая из мшистой тени на острие света, порхали, как живые драгоценные камни, и гасли, скрываясь за листьями. Трава, похожая на мелкий кустарник или гигантский мох, шевелилась по всем направлениям, пряча таинственную для людей жизнь. Яркие, причудливые цветы кружили голову смешанным ароматом. Больше всего было их на ползучих гирляндах, перепутанных в солнечном свете, как водоросли в освещенной воде. Белые, коричневые с прозрачными жилками, матово-розовые, синие – они утомляли зрение, дразнили и восхищали» (I, 263).

В свете подобного описания, примечательно, что, при работе над произведениями (а, следовательно, и над Гринландией), писатель практически не пользовался какими-либо словарями или справочниками «в их прямом назначении». Они не были остро нужны ему, хотя «словарные

статьи могли дать толчок воображению писателя, могли стать отправной точкой развития действия»⁴¹.

Важно отметить, что Грин творил свою «Гринландию» по определенным законам. Обладавший невероятным воображением, он говорил: «Фантазия требует строгости и логики», и следовал этому правилу. В его мире практически отсутствовала хаотичность, и даже в ранних произведениях тот или иной географический объект, обретший свое место, позднее обычно оставался там. В. С. Вихров говорил так: «Писатель создавал свою страну воображения, как кто-то счастливо сказал, свою “Гринландию”, создавал ее по законам искусства, он определил ее географические начертания, дал ей сияющие моря, по крутым волнам пустил белоснежные корабли с алыми парусами, тугими от настигающего норд-веста, обозначил берега, поставил гавани и наполнил их людским кипением, кипением страстей, встреч, событий» (Вихров, I, 30).

Как следствие, Грин, вписывая даже мелкое селение, всегда знал, какая к нему ведет дорога и где расположился ближайший крупный город. По словам современников, он способен был рассказать о любом месте в Гринландии, стоило только спросить. К. Г. Паустовский писал об этом: «Он мог бы нарисовать подробную картину этих мест, мог бы отметить каждый поворот в дороге и характер растительности, каждый изгиб реки и расположение домов, мог, наконец, перечислить все корабли, стоящие в несуществующих гаванях, со всеми их морскими особенностями и свойствами беспечной и жизнерадостной корабельной команды»⁴².

Безусловно, Грин, со своей любовью к точности и логичности, не мог оставить без внимания самые важные города своей Страны. Они прописаны с особым вниманием, очень подробно, и поражают воображение размахом. Лисс, Гель-Гью, Суан, Покет, Зурбаган – о них еще пойдет речь ниже, а пока хочется отметить стихотворение, написанное Александром Грином о Зурбагане, но воспринимающееся как гимн всей Гринландии:

---

⁴¹ Варламова Л. М. Музей Грина. ... С. 19.

⁴² Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина. Т. 5. С. 555

«В Зурбагане, в горной, дикой, удивительной стране,
Я и ты, обнявшись крепко, рады бешеной весне.
Там ручьи несутся шумно, ошалев от пестроты,
Почки лопаются звонко, загораются цветы.
Там ты женщин встретишь юных, с сердцем диким и прямым,
С чувством пламенным и нежным, бескорыстным и простым.
Если хочешь быть убийцей – полюби и измени;
Если ищешь только друга – смело руку протяни;
Если хочешь сердце бросить в увлекающую высь,
Их глазам, как ворон, черным, покорись и улыбнись»(VI, 237).
Хотя это необычное стихотворение-песня словно зовет за собой в

сказку, все же, Гринландия прекрасна еще и потому, что не является утопичной страной. Далеко не всегда у гриновских персонажей все заканчивается хорошо, и это придает большей реалистичности произведениям. На наш взгляд, Грин таким образом раскрывает свою Страну с особой стороны: он не возводит ее в миф, а делает реалистичной, сталкивая своих героев с различными трудностями, дилеммами и ставя перед, зачастую, очень нелегким выбором. Возможно, это – одна из причин такой веры и в его истории, и в существование фантастической Гринландии.

Безусловно, невозможно было бы говорить о Гринландии, не понимая, откуда она возникла. В этой главе мы проследили нелегкий жизненный путь писателя и воочию увидели, как Грин от произведений реалистических перешел к романтическим. Мы остановились на тех жизненных вехах, которые оказали особое влияние на его творчество, что и проявилось в Гринландии. Отдельно затронули места, чьи отражения нашли место в некоторых Гриновских городах (о которых мы будем говорить позднее).

Кроме того, мы рассмотрели первое появление Гринландии и проанализировали, какое место она занимала в жизни писателя.

Мир Гринландии огромен, разнообразен и удивителен, и именно к нему пришло время обратиться.

Глава II. Художественный хронотоп

II. I. Хронотоп как литературоведческое понятие.

Прежде, чем говорить об эволюции хронотопа в произведениях Грина, требуется ввести само понятие. Что же такое хронотоп? За определением мы обратимся к крупнейшему исследователю этого явления – Бахтину. Вот что он пишет: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – “времяпространство”»)»⁴³.

Надлежит помнить, что «пространство и время – универсальные характеристики объективных литературных родов»⁴⁴. Очевидно, что ни одно из литературных произведений не может существовать без них, поскольку каждому автору требуется время и место для размещения своих героев и разворачивания действия⁴⁵.

Бахтин говорит, что «термин “хронотоп” употребляется в математическом естествознании, и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна)»⁴⁶. Но для нас основную роль играет «выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры)»⁴⁷.

При этом важно понимать, что литературный хронотоп, фактически, служит определителем для жанра, сюжета и образов героев. И, поскольку, хронотоп – это «преимущественная реализация времени в пространстве»⁴⁸, следовательно, он являет собой прямую связь пространства и времени. С одной стороны, время уплотняется, становясь фактически ощутимым, отчетливым, с другой стороны, пространство тесно сплетается со временем и напрямую начинает влиять на сюжет и разворачивающееся действие.

Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство

⁴³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234.

⁴⁴ Сухих И. Н. Теория литературы. Практическая поэтика: Учебник. СПб., 2014. С. 134.

⁴⁵ См.: Там же.

⁴⁶ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 234.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 235.

осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп⁴⁹.

Бахтин отмечал три главные функции хронотопов в структуре произведения: сюжетообразующую («В хронотопе завязываются и развязываются сюжетные узлы»), изобразительную («Время приобретает в них чувственно-наглядный характер; сюжетные события в хронотопе конкретизируются, обрастают плотью, наполняются кровью») и жанрообразующую («Хронотопы имеют жанрово-типический характер, они лежат в основе определенных разновидностей романного жанра, сложившегося и развивающегося на протяжении веков»)⁵⁰.

Кроме того, необходимо отметить, что хронотоп, как аспект исследования пространства и времени, обладает определенными свойствами.

Характеристику этих свойств приводит И. Н. Сухих в учебнике «Теория литературы».

Для нас особенно важно, что «пространство в хронотопе не просто “фотографируется”, а конструируется, в соответствии с авторской задачей»⁵¹. Именно благодаря такому конструированию хронотоп Гринландии обретает свою самобытность и цельность, происходит это с помощью включения в атмосферу разнообразных (детализированных или просто намеченных рукой автора) вещей и предметов служит для конкретизации пространства; таким образом, создается вещный мир произведения⁵².

Бахтин, анализирувавший хронотоп европейских романов, отдельно подчеркивает, что главным в хронотопе является время, а пространство отходит на второй план.

Как пишет Сухих, «время – форма потенциального бытия, протекания литературного текста»⁵³. Именно оно отвечает за скорость происхождения событий в тексте, и позволяет нам воспринимать рассказ как очень долго тянущееся действие, наполненное механическими событиями, а роман – как нечто, пролетевшее почти мгновенно, но при этом полное разнообразных

---

⁴⁹ См.: Там же.

⁵⁰ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 398–399.

⁵¹ Сухих И. Н. Теория литературы. С. 135.

⁵² См.: Там же. С. 137.

⁵³ Сухих И. Н. Теория литературы. С. 145.

деталей и подробностей⁵⁴. Отчасти это литературное восприятие зависит и от жанра произведения. Следует учитывать, что для каждого читателя определенное произведение (а также и автор) может обладать тем или иным временем текста, не обусловленным ничем извне. Именно потому «предметом эстетического исследования, соотнесенным художественным пространством, должно, однако, стать не читательское время восприятия, а время изображенное, событийное – время мира»⁵⁵.

Его отличают две особенно важных характеристики:

«продолжительность и прерывность-непрерывность»⁵⁶.

Дистанция между первым и последним событием, хронологические границы действия – то, что называется продолжительностью. Этот временной отрезок может быть абсолютно любой длины, от нескольких минут до многих веков⁵⁷.

Непрерывное изображение времени (а, следовательно, и повествование) присуще, как правило, драматическому жанру. Во всех остальных непрерывность является, скорее, невозможной по разным причинам⁵⁸.

Еще две характеристики времени, безусловно, заслуживающие нашего внимания – «календарь и хронология»⁵⁹. В то время как календарь является внутренним соотношением событий в художественном мире, в хронологии, напротив, время художественного мира соотносится с историческим, т.е. внешним. Из этого следует, что «календарь и хронология находятся в противоречивых отношениях»⁶⁰. Надлежит отметить, что хронология почти не возникает в хронотопе Гринландии, но этого мы коснемся ниже.

Итак, от всего вышесказанного мы переходим к тому, как организовано время и пространство непосредственно в Гринландии.

II. II. Хронотоп Александра Грина

Изучение хронотопа страны, созданной Александром Грином, правильно будет начать с тщательного исследования топонимов, ведь именно

---

⁵⁴ См.: Сухих И. Н. Теория литературы. С. 145.

⁵⁵ Там же. С. 146.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ Там же. С. 148.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 148–151.

с нового, необычного названия открывается перед читателем каждое незнакомое место в Гринландии.

Прежде всего, страна Грина отличается от многих сказочных стран тем, что не имеет названия, данного самим автором. Сухих пишет, что «самый элементарный способ обозначить пространство, место действия – это его назвать»⁶¹.

Название Гринландия, «Земля Грина», было придумано не писателем, а советским критиком К. Л. Зелинским⁶². На наш взгляд, этому может быть два объяснения. С одной стороны, Грин, возможно, просто не считал это необходимым: Страна и так всегда была с ним, а потом он открыл ее нам. С другой стороны, если учесть первое появление Гринландии перед читателем, можно рассмотреть такую гипотезу: Грин стремился подчеркнуть ее реальность; изобразить страну как уже знакомый всем уголок мира, известный настолько, что даже называть его лишним раз не требуется. Подобные примеры уже были в литературе: так, можно вспомнить, например, Свифта или Дефо, которые тоже когда-то «вписали» свою страну в реальную земную географию.

Забавным, впрочем, может показаться тот факт, что в одном из последних романов Грина, «Дорога никуда», возникают «отмели Гринленда» (VI, 124), причем по контексту создается ощущение, что «Гринленд» – название материка. Если записать название по-английски, то выйдет «Grinland», что и переводится как «Гринландия». Так что, в какой-то степени, наименование «Гринландия» в произведениях писателя все-таки появилось.

Художественные топонимы страны можно разделить на реальные и вымышленные⁶³. Н. Вержбицкий вспоминает, как однажды он спросил у писателя, почему тот «избегает точной географии и обычных имен для своих героев. Он сказал мне по этому поводу: “Не думаю, что у тебя изменится отношение, ну, скажем, к Гамлету, если тебе скажут, что он не датчанин, а, допустим, житель Новой Зеландии...”»⁶⁴.

---

⁶¹ Там же. С. 140.

⁶² Зелинский К. Л. Жизнь и творчество А. С. Грина. С. 3–35.

⁶³ См.: Сухих И. Н. Теория литературы. С. 140.

⁶⁴ Вержбицкий Н. Светлая душа // Воспоминания об А. С. Грине. С. 214.

Здесь нельзя не вспомнить о том, что главным для Грина всегда оставались люди, их мотивы и поступки. Арнольди писал: «В своей вымышленной стране он находил людей, каких не обнаруживал в обыденном мире. Они были для него реальны, как реален был для него мир, в котором он их поселил. И он показывал во всей правдивости их чувства, мысли, побуждения»⁶⁵.

В стране Грина в реальное причудливо переплетается с вымышленным, все время удерживая читателя на границе сказочного и обычного миров.

Топонимы и имена в Гринландии действительно очень необычны; мы попробуем определить, откуда взялся тот или иной топоним, и как он может быть связан с реальным миром. Уместно будет начать изучение хронотопа Гринландии именно с этого, ведь, как пишет Мельникова, имена собственные «представляют один из способов отражения взгляда писателя на окружающий мир»⁶⁶.

Надо оговорить, что различные топонимы в Гринландии можно разделить на следующие группы: 1) одиночное, обычно единожды упомянутое название, не объясняющее, чем является объект (Котомаха, Крене,...); 2) одиночное, иногда повторяющееся название, содержащее минимальную характеристику (высота Сениара, Лягушачий мыс,...); 3) название, либо встречающееся неоднократно и в процессе повествования обретающее полноценную характеристику, либо сразу данное с подробным описанием (Лисс, Гель-Гью, Зурбаган и прочие значительные места)⁶⁷.

В целом, меньше всего в произведениях встречается топонимов, относящихся к первой группе. Как правило, писатель рано или поздно дает некоторое указание, позволяющее хотя бы примерно определить, чем является то или иное упоминание. Нечасто, впрочем, мы можем прочесть и подробную характеристику – она, обычно, относится к самым крупным и

---

⁶⁵ Арнольди Э. М. Беллетрист Грин. С. 280.

⁶⁶ Мельникова Л. Преодолев «нестерпимую привычность имен...» (собственные имена в творчестве А. С. Грина) / Сост. А. А. Ненада. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество: Статьи, очерки, исследования: [К 130-летию со дня рождения]. Феодосия, 2010. С. 91.

⁶⁷ См.: Калмыков С. В. О географии страны Грина // А. С. Грин: взгляд из XXI века. К 125-летию Александра Грина: сб. статей по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». Киров, 2005. С. 145

важным местам Гринландии. Логично, что больше всего у Грина встречается топонимов из второй группы – это позволяет ему обрисовать читателю картину местности, но не углубляться в неважные для повествования детали того или иного географического объекта.

Итак, определив, какого рода топоним оказался перед нами, мы можем говорить о том, как именно он создавался. Разумеется, надлежит помнить, что создание оригинального топонима в художественной речи неизменно «следует определенным правилам и нормам, подчиняется существующим и действующим в языке законам (фонетическим, словообразовательным и т.д.)»⁶⁸. Следовательно, писатель, при создании собственных имен, всегда опирается на уже существующие словообразовательные модели.

Говоря об ономастике, требуется упомянуть, что топонимы в Гринландии разделяются так: 1) полностью реальные; 2) имеющие в названии часть от реально существующего места; 3) полностью вымышленные.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что практически всем топонимам Грина присуща «так называемая нарочитая “иностранность”, или интернациональность, внеязыковость и фантастичность, то есть то, чего нет в действительности, потому что они – вымысел»⁶⁹. Очевидно, что это сделано с определенной целью: погрузить читателя в особое настроение. С одной стороны, мы при этом понимаем, что находимся в иной, вымышленной стране; с другой, даже если объяснить название какого-то места подчас невероятно сложно, языковые созвучия наводят нас на мысли о примерном происхождении названий. Таким образом, топоним, напомнивший, например, о Франции, возможно, создаст и соответствующее настроение.

Обратимся же к топонимам.

Полностью реальные названия мы оставим в стороне, хотя они в достаточном количестве присутствуют в произведениях Грина и, без сомнения, являются «связующими мостиками» между реальным миром и вымышленной страной.

---

⁶⁸ Мельникова Л. Преодолев «нестерпимую привычность имен...» (собственные имена в творчестве А. С. Грина). С. 91.

⁶⁹ Там же. С. 93.

Отдельные топонимы можно назвать «переходными» от реальности к вымыслу. Мы рассмотрим некоторые из них.

Так, один из первых – река Адара. Всем известна большая голубая звезда под названием Адара, расположенная в созвездии Большого Пса, но Грин выбирает это название для одной из самых крупных рек страны. Она впервые встречается нам в самом начале знакомства с Гринландией, в рассказе «Дьявол оранжевых вод», а затем периодически появляется в произведениях. Здесь, к сожалению, невозможно понять (или попытаться определить), почему река была так названа. Единственная возникшая гипотеза отсылает нас к другой, реально существующей реке Аларе. Эта река расположена в Турции и известна, в том числе, потому, что лес расположился почти на ее берегах, временами отступая и образуя живописную долину. Адара же, впервые встречаясь читателю, описана так: «<...> я увидел, что лес то подходит к реке, то, втягиваясь полукругом, открывает песчаные мели, лужайки и змеевидные лужи. <...> полноводная Адара лениво кружила стрежи, темнея в спокойном блеске тонущими отражениями противоположного обрывистого лесного берега» (I, 398). Некоторое сходство с пейзажами Алары здесь есть.

Мог ли Грин знать, да еще в таких подробностях, о турецкой реке? Маловероятно, но допустимо.

В самом начале рассказа «Сердце пустыни» встречаемся мы с водопадом «Альпетри»: «Так, например, легенда о бриллианте в тысячу восемьсот каратов, ехидно и тонко обработанная ими меж бокалов шампанского и арией “Жоселена”, произвела могучее действие, бросив тысячи проходимцев на поиски чуда к водопаду Альпетри, где, будто над водой, в скале, сверкало чудовище» (IV, 139). Здесь ассоциация возникает достаточно быстро. Даже те, кто не бывал в Крыму, возможно, вспомнят знаменитую скалу Ай-Петри, чье название перекликается с названием Гриновского водопада. Кроме того, именно в склоне массива Ай-Петри существует крупнейший водопад Крымского полуострова. Быть может, именно эти два факта и подсказали писателю название водопада.

Невозможно не вспомнить город «Лисс», появляющийся во многих произведениях. В статье «Загадочные имена Александра Грина», автора которой нам не удалось определить, про этот город написано так: «Лисс – порт неподалеку от Каперны – можно назвать лингвистическим перекрестком Лиссабона и Улисса, далекого конкретного города и темы странствий»⁷⁰.

Далее, в рассказе «Бродяга и начальник судьбы» герой утверждает, что он «работал в висячих садах герцогини Джоанны Фиоритуры» (IV, 221).

Разумеется, на ум сразу же приходят «висячие сады Семирамиды», хотя и здесь невозможно узнать, стремился ли напомнить о них писатель.

Теперь мы приведем пример еще нескольких, менее заметных топонимов, которые вполне могли быть связаны с реальным миром.

Город «Дагон», встречающийся в «Бегущей по волнам» мог служить напоминанием о французском городке Дагонвиль. Город «Коменвиль» (рассказ «Новогодний праздник отца и маленькой дочери») так же созвучен с французским городом (Роменвиль). Кроме того, можно упомянуть станцию Лим (из «Легенды о Фергюссоне»), что напоминает нам одновременно и столицу Перу – Лима и реку Лим в Югославии⁷¹. Имеет ли отношение «Амерхаузен» (рассказ «Заколоченный дом») к немецкому городу Оберхаузен – неизвестно, но, в любом случае, определенный, *немецкий* оттенок рассказу придает.

Есть еще некоторые топонимы, отчасти напоминающие названия реального мира, но связь их столь туманна, что мы не беремся утверждать ее наличие, а потому переходим к названиям вымышленным.

Их у Грина больше всего и, разумеется, рассмотреть их все, не являющиеся конкретным объектом нашего исследования, невозможно, да и не нужно. Мы оговорим лишь отдельные, самые крупные или интересные названия.

Вот, например, город «Гель-Гью». Топоним звучит загадочно и непонятно, но можно вспомнить греческое «Ἥλιος», «helios» – солнце. Хотя Гель-Гью возникает еще в ранних рассказах Грина, все же это лишь

---

⁷⁰ URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2000/08/22/literatura-v-mire/zagadochnye-imena-aleksandra-grina>

⁷¹ См.: Мельникова Л. Преодолев «нестерпимую привычность имен...» (собственные имена в творчестве А. С. Грина). С. 91.

упоминания, не включающие в себя описание города. Гель-Гью впервые предстает перед нами вечером, и все же город наполнен золотым светом: «<...> мы подходили к Гель-Гью. Я стоял у штирборта с Проктором и Большом, наблюдая странное явление. По мере того как усиливалась яркость огня маяка, верхняя черта длинного мыса, отделяющего гавань от океана, становилась явственно видной, так как за ней плавал золотистый туман – обширный световой слой. Явление это, свойственное лишь большим городам, показалось мне чрезмерным для сравнительно небольшого Гель-Гью, о котором я слышал, что в нем пятьдесят тысяч жителей. За мысом было нечто вроде желтой зари» (V, 103). И это только начало! Дальнейшее описание также включает в себя золотые оттенки: «Половина горизонта предстала нашим глазам в блеске иллюминации. В воздухе висела яркая золотая сеть; сверкающие гирлянды, созвездия, огненные розы и шары электрических фонарей были, как крупный жемчуг среди золотых украшений. Казалось, стеклись сюда огни всего мира» (V, 103).

Таким образом, мы вполне можем доказать, что отсылка к солнцу в названии этого города вероятна.

В позднем рассказе «Пари» возникает «Город Фельтон на острове Магескан» (VI, 472). Как пишет Е. Раскина, название острова могло возникнуть от слов «маг, магия»⁷². Эта гипотеза тем более имеет право на жизнь, учитывая, что герои оказываются на нем (из-за пари) как по волшебству. Они не знают где они и как добирались в это место. Чтобы узнать это, надо спросить – и получить ответ, при этом проиграв пари. Чтобы осознать себя на чудесном острове и решить остаться там (что и делает один из героев), надо заведомо проиграть, отказаться от денег. И тогда в награду – магическим образом – ты получишь чудесный, лучший в мире выигрыш. История оказывается вполне волшебной, даже если все в ней поддается логике; потому и чудесный остров вполне закономерно содержит в себе «магию».

---

⁷² URL: <https://gumilev.ru/about/206/>

Если говорить о более мелких топонимах, следует отметить выявившуюся тенденцию: названия рек у Грина иногда созвучны женским именам. Так возникает река «Лилиана» в «Алых парусах» (и при этом мать Грзя зовут Лилиан); затем в «Сладком яде города» появляется «Антонилла» (чудное, но вполне вероятное, особенно в Гринландии, женское имя). Рассказ «Продавец счастья» мельком сталкивает нас с чудным названием реки «Зерра», а, между прочим, имя Зера считается привычным среди крымских татар.

Конечно, это верно далеко не для всех (и даже не для большинства) рек, но вероятно, что такие имена-названия были выбраны автором не случайно.

Встречается в рассказе «Четырнадцать футов» река с таинственным названием «Асценда». Непонятное на первый взгляд, оно (вероятно) могло быть образовано от английского глагола «to ascend», одно из значений которого – «восходить» (о солнце). А река расположена совсем рядом с Солнечными горами и Солнечными карьерами: «далеко впереди, внизу, блестела тонкая петля Асценды, от закругления которой направо лежал золотоносный отрог Солнечных Гор» (VI, 432). И, возможно, такое название было дано умышленно.

Среди вымышленных топонимов есть у Грина названия и совсем незамысловатые, сразу же раскрывающие суть. Их не так много, но упомянуть все же необходимо. Пролив Бурь, город Южный порт, Лягушачий мыс, Чистые озера, роща Заката, Сигнальный пустырь и Сигнальная бухта, Ледяной ручей, пропасть Лошадиная голова, Жемчужный водопад, берег Дремучих лесов, Поющих ручьев, долина Поющих деревьев, Солнечные карьеры и Солнечные горы. Все эти названия звучат достаточно просто, но все же являются очень характерными именно для Гринландии.

В целом, надо сказать, что «для гриновских собственных имен характерно не смысловое, а звуковое сращение с образом»⁷³, что мы весьма наглядно показали выше.

---

⁷³ Мельникова Л. Преодолев «нестерпимую привычность имен...» (собственные имена в творчестве А. С. Грина). С. 94.

Разумеется, мы рассмотрели лишь часть топонимов, попытавшись предположить, как на языковом уровне Грин создавал свою страну. И теперь самое время вернуться к ее хронотопу.

Мы считаем, что хронотоп Гринландии выстроен особенным образом: основную роль здесь все же играет пространство, а время всегда оказывается чуть позади и гораздо меньше влияет на сюжет, героев и вообще действие. Медведева в своей работе «Вымысел vs Мимесис» подчеркивает, что именно это впоследствии «повлекло за собой многочисленные упреки в «отрыве» Грина от социально-исторической действительности»⁷⁴.

Тем не менее, важно помнить, что «временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены»⁷⁵; Бахтин отдельно указывает на важность целостного восприятия хронотопа.

Если вспоминать сочетание времени и пространства в хронотопе Гринландии, то очевидно, что время играет общую (впрочем, не менее глобальную роль). Именно оно наполняет страну настоящей жизнью, сгущает человеческие образы на определенных этапах пространства. По словам Н. Г. Медведевой, «хронология событий в произведениях писателя весьма произвольна. <...> С реальными историческими процессами сюжеты Грина соотносимы очень редко и косвенно»⁷⁶.

Гринландия «представляет собой как бы монтаж примет и признаков самых разных <...> формаций»⁷⁷, что позволяет автору «пристально исследовать конфликты, возможные в любом <...> обществе»⁷⁸. В одних и тех же морях плавают подводные лодки, военные крейсера и парусники. Конные экипажи на улицах города мчатся чуть ли не рядом с автомобилями. Так же странно в городе вдруг возникает реклама кинематографа и даже роботы. Ковский подчеркивает, что «сосуществование в гриновских произведениях двух миров, один из которых экзотически стилизован, а другой – нарочито

---

⁷⁴ Медведева Н. Г. Вымысел vs Мимесис. С. 8.

⁷⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 391.

⁷⁶ Медведева Н. Г. Вымысел vs Мимесис. С. 10.

⁷⁷ Ковский В. Е. Блистающий мир Александра Грина. Т. 1. С. 21.

⁷⁸ Там же.

модернизирован, совершенно опрокидывает наши временные представления»⁷⁹.

В то же время, для читателя становится очевидным, что А.С. Грин, рисуя свою страну именно такой, сам определенно симпатизирует ушедшей эпохе. В рассказе «Корабли в Лиссе» есть слова о человеке, который «предпочтет лошадей – вагону; свечу – электрической груше; пушистую косу девушки – ее же хитрой прическе, пахнувшей горелым и мускусным; розу – хризантеме; неуклюжий парусник с возвышенной громадой белых парусов, напоминающий лицо с тяжелой челюстью и ясным лбом над синими глазами, предпочтет он игрушечно-красивому пароходу» (IV, 237). И во многих текстах именно такие люди являются центральными героями, в то время как поклонники модерна показывают отнюдь не лучшие душевные качества.

Таким образом, сочетая в своей Гринландии различные эпохи, Грин позволяет читателю рассматривать героев через призму времени, через пространство, окружающее того или иного персонажа.

Обобщая все вышесказанное, можно привести определение Загвоздкиной, которая характеризует страну так: «Гринландия – это мироздание, созданное по аналогии с мифопоэтическими построениями XX века, – как целостная, организованная в соответствии с определенными философскими, идейными, эстетическими принципами писателя вселенная, у которой есть свои пространственно-временные параметры, свои законы развития, свои идеи, герои, сюжеты и коллизии»⁸⁰.

По воспоминаниям современников Грина можно определить, что страна писателя была гораздо больше, чем он мог (и успел) показать в своих произведениях. Так, Лидин в очерке «Остров Триголотид» пишет о любопытном разговоре, состоявшемся однажды между ним и писателем. Грин и Лидин случайно столкнулись на одном из банкетов, в процессе разговора Грин и поведал, что «у него есть свой остров. <...> Остров Триголотид, подход к нему опасен из-за коралловых рифов»⁸¹. Нигде позднее

---

⁷⁹ Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. С. 202.

⁸⁰ Загвоздкина Т. Е. Особенности поэтики романов А. С. Грина: Проблема жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1985. С. 7.

⁸¹ В. Лидин. Остров Триголотид. С. 305.

этот остров более не упоминается, но нет сомнений, что он занимал в Гринландии свое определенное место, которое точно знал только писатель.

В рамках одного произведения хронотопов всегда существует несколько. Они переплетаются в своем множестве, но, тем не менее, один из них превалирует над остальными. Именно этот хронотоп «задает настроение» всему сложенному миру, можно сказать, управляет прочими. И, если мы говорим о прозе А. С. Грина, главным хронотопом, безусловно, является страна Гринландия.

Прежде чем рассматривать хронотопы страны подробно, мы еще раз очертим все, что рассмотрели в этой главе. Во-первых, мы определили понятие хронотопа, исходя из которого и будем изучать время и пространство Гринландии. Во-вторых, нами был представлен анализ топонимов Гринландии; на наш взгляд, названия являются неотъемлемой частью хронотопа, и их изучение необходимо для лучшего его понимания. В-третьих, мы показали, как именно сочетаются различные эпохи в стране. В завершении главы мы оговорили превалирующую роль пространства в хронотопе Страны и раскрыли понятие «Гринландия».

Теперь мы обращаемся к ее хронотопам, чтобы исследовать их развитие.

Глава III. Хронотопы Гринландии

В Гринландии встречаются и пересекаются различные хронотопы, безусловно, невозможно было бы оговорить их все, поэтому в работе мы затрагиваем лишь самые основные, сюжетообразующие.

И в первую очередь мы рассмотрим хронотоп дороги.

III. I. Хронотоп дороги

Хронотоп дороги, с точки зрения М. М. Бахтина, имеет огромное значение в романе: «...редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений»⁸².

Сразу же следует отдельно оговорить неотрывный от хронотопа дороги мотив встречи. Бахтин подчеркивает, что «Во всякой встрече <...> временное определение (“в одно и то же время”) неотделимо от пространственного определения (“в одном и том же месте”)⁸³. Именно здесь особенно четко проявляется неразрывное единство временных и пространственных определений. Это происходит потому, что «обособленно мотив встречи невозможен: он всегда входит как составляющий элемент в состав сюжета и в конкретное единство целого произведения и, следовательно, включается в объемлющий его конкретный хронотоп»⁸⁴. У Грина этим хронотопом и будет хронотоп дороги. А мотив встречи на дороге зачастую является сюжетообразующим в произведении или «выполняет композиционные функции: служит завязкой, иногда кульминацией или даже развязкой (финалом) сюжета»⁸⁵.

Для дороги как хронотопа безусловно важен «бегущий по сторонам пейзаж, мелькание людей и предметов»⁸⁶. Дорога соединяет различные топосы между собой, устраивает случайные или долгожданные встречи, изменяет жизненный путь людей.

---

⁸² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 248.

⁸³ Там же. С. 247.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 248.

⁸⁶ Сухих И. Н. Теория литературы. С. 155.

Во многих произведениях Грина дорога служит «для изображения события, управляемого случайностью»⁸⁷. Так происходит и в «Острове Рено»: моряки случайно замечают остров, отправляются его исследовать... И тут же случается встреча Тарта (и читателей заодно) с Гринландией. Это естественный итог для хронотопа дороги, ведь она сама по себе – «точка завязывания и место совершения событий. Здесь своеобразно сочетаются пространственные и временные ряды человеческих судеб и жизней, осложняясь и конкретизируясь социальными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Здесь время словно вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги)»⁸⁸. Таким образом, при знакомстве со страной переплетаются хронотоп дороги и мотив встречи.

Да и в целом в Гринландии хронотоп дороги возникает достаточно часто. Он неразрывно связан с любыми путешествиями, и Грин раз за разом «включает» его в повествование.

Город Зурбаган появляется, когда главный герой рассказа («Зурбаганский стрелок», 1913) уезжает оттуда, а затем возвращается (здесь также прослеживается кольцевая композиция). Вот так выглядит дорога, по которой персонажи уезжают из города: «Выехав на солнечную улицу, мы, миновав мост, погрузились в береговые, с высокой травой, луга, направляясь к синему венцу гор, похожему издали на низкие облака. <...> Проехав луг, мы направились далее берегом небольшой речки, причем несколько раз пересекали ее вброд; вода, шумя у ног лошадей, обдавала нас брызгами. Трава заметно редела, переходя в унылую, душную степную равнину, поросшую высохшим кустарником; все чаще попадались серые каменистые бугры, овраги и трещины; от них пахло сыростью и землей; одинокие деревья имели сторожевой вид; холмы, растягиваясь подножиями в сотни сажен, вынуждали нас при подъеме сдерживать лошадей. Из-под копыт, вспыхивая дымком, летела сухая, бурая пыль, а горы, проясняясь, становились пестрыми от хорошо различаемых теперь неровных пятен лесов...» (II, 226).

---

⁸⁷ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 392.

⁸⁸ Там же.

Для сюжета произведения это описание не столь важно, но оно позволяет читателю мысленно перенестись в Гринландию, ощутить себя на этой дороге и представить за спиной город Зурбаган. В целом же, с дорогами около Зурбагана складывается достаточно интересная история. Очевидно, что из такого крупного города есть несколько выездов. И, как минимум в трех произведениях мы точно понимаем, что герои путешествуют (в разное время, разумеется) по одной дороге, в одном направлении. И путь их лежит на Запад.

В начале рассказа «Редкий фотографический аппарат» (1914) мы читаем про старого рудокопа Эноха, возвращавшегося домой в Зурбаган. Он шел от рудников Западной Пирамиды; это указание позволяет нам достоверно определить направление. Итак, Энох «ради сокращения пути двинулся от железнодорожной станции хорошо знакомыми окольными тропинками, сперва – лесом, а затем, где мы и застаем его, – степью» (III, 468). Здесь мы видим сразу несколько достаточно важных географических указателей: железнодорожная станция, лес и степь рядом.

Они же помогут нам уточнить дорогу в рассказе «Сто верст по реке» (1916). Главные герои, Нок и Гелли, подплывают к Зурбагану на лодке и мы читаем: «Низкий слева берег был ровным лугом; недалеко от реки виднелись черепичные станционные крыши» (IV, 201). Нигде позднее Грин не упоминает наличие в Зурбагане второй железнодорожной станции, что позволяет нам сделать вывод о том, что Нок и Гелли подплывали к Зурбагану также с западной стороны.

Более того – читая рассказ дальше, мы видим, что Нок, пробежав насквозь станцию, перелезает через забор, и видит «за забором и небольшим пустырем <...> лес, примыкающий к Зурбагану» (IV, 204). Лес совершенно точно не окаймляет город со всех сторон, но об этом мы еще поговорим позднее. И затем – третье совпадение – Нок в бреду, добираясь до Зурбагана, в определенный момент обнаруживает, что «он очутился на ровном, просторном месте» (IV, 205), где «нащупывать вокруг было более нечего, – ни стволов, ни кустов» (IV, 205). По-видимому, это та самая степь, по которой

двигался и Энох. Все это в совокупности позволяет нам точно определить, что Нок идет к Зурбагану с Запада.

И еще один рассказ, «Вперед и назад» (1918), также указывает нам на западный путь: «5-го июля в сорока милях от Зурбагана три человека шли по узкой степной тропе, направляясь к западу» (V, 428). И хотя тут люди уже достаточно далеко от города, читатель вполне может представить, например, как именно они выбирались из предместьев Зурбагана. Кроме того, затем встречается еще одно важное указание: «Все трое шли в полусказочные, дикие места Ахуан-Скапа за золотом» (V, 429). Это уточнение позволит определить нам, что в рассказе «Вокруг света» (1916) храбрый путешественник Жиль уходит во второе кругосветное путешествие на Запад – потому что идти ему надо как раз к горам Ахуан-Скапа.

Все вышеизложенное и, в особенности, сравнение пути к Зурбагану в рассказах «Редкий фотографический аппарат» и «Сто верст по реке», является для нас бесспорным доказательством того, что Грин действительно хорошо знал свою страну, и, описывая одно и то же направление, представлял его одинаково. Для нас это очень важно, поскольку позволяет увидеть дорогу как нечто знакомое, пройденное не единожды.

Еще один значимый для Гринландии город – Лисс, и, соответственно, путь к нему впервые упоминаются в «Алых парусах» (1916–1922). Мери идет по дороге, чтобы заложить кольцо. На тот момент мы узнаем только, что путешествие «взад и вперед от приморской деревни в город составляло не менее трех часов скорой ходьбы» (III, 6). Затем появляется информация о расстоянии между Лиссом и Каперной – примерно 4 версты. Также нам становится известно, что большую часть пути дорогу окружает чаща. Чудесные события феерии завязываются, когда маленькая Ассоль в очередной раз направляется в город для продажи товара, но для нас важно не это. Важно, что именно в этих эпизодах Грин описывает дорогу до Лисса подробно: «дорогу пересекал ручей, с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес» (III, 13). И хотя затем Ассоль убегает в лес, уже не по направлению к городу, и вовсе не по дороге, все же

надо отметить, что определенный путь явно присутствует – это, пожалуй, скорее то, что можно назвать жизненным путем, ведь именно сквозь лес Ассоль добежит до Эгля, рассказ которого изменит всю ее жизнь. В целом, можно говорить о том, что дорога реальная – дорога на Лисс, – пересекается с дорогой метафизической, и, таким образом, сразу две вариации этого хронотопа оказываются перед нами.

Следование за маленьким корабликом давалось Ассоль нелегко: «мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высокий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь все чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину» (III, 14). Очевидно, что маленькому ребенку пробираться по такому лесу, не теряя скорости, было сложно, но Ассоль не свернула назад. Она выбежала на «синий разлив моря, облака и край желтого песчаного обрыва <...>. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне» (III, 14).

Именно в этом месте и произошла судьбоносная встреча с Эглем.

На жизненный путь Грэй в большей степени повлияла морская дорога (о чем мы поговорим ниже), но все же и обычная сыграла в его судьбе важную роль. Оказавшись подле Каперны со своим матросом Летикой, Грэй с утра идет прогуляться по лесу. Примечательно, что путь его начинается у обрыва, около которого река. Это позволяет нам предположить, что Грэй нечаянно оказался недалеко от того самого места, где когда-то маленькой Ассоль Эгль рассказал о чудесных Алых парусах.

Надо отметить, что путь Грэй до точки, где он увидит Ассоль, тоже непрост: «Грэй вышел из чащи в кустарник, разбросанный по скату холма. <...> Зеленый мир дышал бесчисленностью крошечных ртов, мешая проходить Грэю среди своей ликующей тесноты. Капитан *выбрался* на открытое место, заросшее пестрой травой, и увидел здесь спящую молодую девушку» (III, 38). Учитывая, что эпизоды встречи Эгля с Ассоль и встречи Грэй с Ассоль происходят в одном лесу, да еще и (вероятно) в расположенных

рядом местах, мы можем сказать о схожести жизненного пути. И Грэй, и Ассоль пробираются сквозь лес, и, выбравшись, получают своеобразную «награду».

Следует также упомянуть, что, обнаружив у себя на руке кольцо Грэя, Ассоль идет в Лисс и обратно, сама не зная зачем. И это последнее ее пешее путешествие в этот город. Пожалуй, мы можем рассмотреть это как кольцевую композицию: история Ассоль начинается, по сути, с путешествия в Лисс – и перед финалом этой истории девушка бессознательно проходит по дороге до него и обратно.

Итак, мы можем сказать, что в Гринландии (как и в жизни) дорога часто влияет на кардинальное изменение жизненного пути. И «Алые паруса» – лишь один, небольшой, но чрезвычайно показательный пример.

В Гринландии часто персонажи (и читатель вместе с ними) знакомятся с городами, поселками, озерами, реками, местностью вообще именно на дороге, случайно встречаясь, так что хронотоп дороги можно смело назвать одним из самых распространенных у Грина. Более того, можно даже сказать, что именно на этом хронотопе и строится открытие Гринландии; герои познают мир, путешествуя, а читатель познает страну.

Дорога так же служит еще одной важной цели: связывает Гринландию с реальным миром. Регулярно встречаются упоминания сразу двух миров рядом, словно на одной дороге: из Зурбагана в Москву идет поезд («Охота на Марбруна», 1915), дорога в Европу находится недалеко от колонии Ланфиер («Колония Ланфиер», 1910), с Филиппинских островов приезжают герои в Покет («Нянька Гленау», 1926) и даже сам Грин посещает Гринландию, приплывая на пароходе из Феодосии в Зурбаган, Лисс и Гель-Гью («Встречи и приключения»; дата неизвестна, опубл. в 1960)

И сделано это не просто так. Грин явственно указывает читателю на то, что мир Гринландии не может быть фантастичным лишь только потому, что действие разворачивается в выдуманных местах. Грин «уравнивает

вымышленный мир с миром “реальным” и утверждает “реальность” своей вымышленной страны уже в процессе ее создания»⁸⁹.

Нужно упомянуть еще один важный аспект дороги как хронотопа. Бахтин в «Вопросах литературы и эстетики» отмечает «одну очень существенную черту “дороги”, общую для всех перечисленных разновидностей романа: дорога проходит по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире <...>. Раскрывается и показывается социально-историческое многообразие этой родной страны»⁹⁰.

Таким образом, Гринландия со всеми ее подробностями открывается перед читателями с точки зрения не путешественника, но местного.

Разумеется, рядом с хронотопом дороги и мотивом встречи неизменно возникает мотив пути. Здесь необходимо разделить два понятия: дорога и путь. Как пишет Ю. М. Лотман, «“дорога” – некоторый тип художественного пространства, “путь” – движение литературного персонажа в этом пространстве. “Путь” есть реализация (полная или неполная) или не реализация “дороги”»⁹¹. Мотив пути, по мере следования своего в литературном процессе, «вобрал в себя большое количество семантических оттенков»⁹².

По словам Г. И. Шевцовой, в творчестве Грина можно выделить два основных ряда, каждый из которых включает в себя несколько вариантов⁹³. Первый – несущий в себе такие критерии, как: «отсутствие цели перемещения – наличие какой-либо цели (познавательной, экономической, развлекательной) – движение с целью освобождения от чего-либо (тюрьмы, каторги, общества)». При этих критериях варианты пути выходят следующие: «скитание (например, в рассказе “Смерть Ромелинка”), путешествие (“Вокруг света”), бегство / уход (“Рене”, “Остров Рено”»⁹⁴.

---

⁸⁹ Загвоздкина Т. Е., Попов Ю. П. Время и пространство в романтическом мире А. Грина (от новеллы к роману) // Жанр рассказа в русской и советской литературе. Киров, 1983. С. 94 – 96.

⁹⁰ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 394.

⁹¹ Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. С. 290

⁹² Шевцова Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина (мотивный аспект). Дис. ... канд фил. наук. Елец, 2003. С. 32.

⁹³ См.: Там же.

⁹⁴ Там же.

Второй – основанный на «пространственном характере перемещения персонажа». В этом случае у нас возникает «горизонтальный путь (например, в рассказе “Сто верст по реке”) и вертикальный (“Блистающий мир”); круговой (“Дорога никуда”, “Вокруг света”); путь в «лабиринте» (“Крысолов”, “Лабиринт”))»⁹⁵.

Разумеется, в творчестве Грина зачастую сложно бывает определить ту или иную конкретную разновидность, но в целом затронуть мотив пути было необходимо, для более полного понимания хронотопа дороги в Гринландии.

III. I. I. Хронотоп морского пути

Мы уже писали о том, что хронотоп дороги играет в произведениях писателя важную роль, и он сам отмечает это, подробно останавливаясь на ней. С хронотопом большой дороги зачастую пересекается такой важный хронотоп как «морское путешествие». Мы отметим его отдельно, поскольку он занимает достаточно существенное место в различных произведениях.

Безусловно, хронотоп морского пути во многом схож с хронотопом пути обычного. И все же есть у него отличительные свойства; их подробно разбирает В. Н. Топоров в своей работе «О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах», о них мы и поговорим сейчас.

Топоров выделяет «традиционную и сугубо литературную по своей этиологии и телеологии, исторически обусловленную и “культурную” по преимуществу версию этого комплекса, как она сложилась в “романтической” образности европейской поэзии»⁹⁶.

Исходя из этого, можно выделить два типа моря: «“реальное” море (часто как биографический факт), стереотипы его “естественного”, “объективного” описания, поэтика подобного описания»⁹⁷. В этом случае мы говорим о море, как об «объекте изображения, о его свойствах “объективного” характера – огромное, беспредельное, могучее, бурное, вольное, свободолюбивое и т.п.»⁹⁸.

---

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 577.

⁹⁷ Там же. С. 578.

⁹⁸ Там же.

Безусловно, и такой контекст в большой степени присутствует в произведениях Грина и мы, разумеется, затронем его, но чуть ниже.

А пока рассмотрим совсем иную морскую ситуацию. Топоров характеризует ее так: «здесь описывается не собственно море (или, если сказать точнее, описание моря не является в этом случае главной целью, но подчинено существенно иным, более важным задачам), а нечто иное, для чего море служит лишь формой описания (“морской” код “неморского” сообщения), своего рода глубинной метафорой. <...> Описывается <...> скорее – “морское” – как некая стихия и даже – уже и точнее – принцип этой стихии, присутствующий и в море и вне его, прежде всего в человеке, и довольно однообразно семантизирующийся»⁹⁹.

Кроме того, Топоров добавляет, что морскому комплексу присущ ряд мотивов¹⁰⁰. Не все из мотивов-образов, упомянутых Топоровым, проявляются в творчестве Грина, поэтому мы затронем основной из них. Это мотив берега моря, встречающийся во многих произведениях. Очень важной частью этого мотива является граница. Как замечает Топоров, она актуализируется «не пересекающим ее, границу, нарушающим ее движением, как это чаще всего отмечается¹⁰¹, но совмещением максимального предела приближения моря (активное начало) с сушей, берегом (пассивное начало), как бы соединением их, слиянием»¹⁰².

Отчасти это перекликается с хронотопом порога по Бахтину. Бахтин о нем пишет так: «хронотоп кризиса и жизненного перелома. В литературе <...> всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме»¹⁰³.

Наглядным примером этого может служить завершение «Алых парусов». Жизненный перелом для Ассоль происходит так: «<...> она осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая. <...> Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль;

---

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Цит. по: Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах. С.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 399.

смертельно боясь всего – ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи – она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича: – Я здесь, я здесь! Это я!» (III, 73).

Таким образом, мы видим, что Ассоль поначалу задерживается на берегу, но затем заходит в воду, становясь, отчасти, своеобразным связующим элементом между берегом (пассивное начало по Топорову) и морем (активное начало). И, как только она это делает, словно в знак правильности этого действия, происходит следующее: «Циммер взмахнул смычком – и та же мелодия грянула по нервам толпы, но на этот раз полным, торжествующим хором» (III, 71). Пересечение границы свершилось, жизненный перелом – вслед за ней – произошел.

Теперь обратимся к морю «реальному». Невозможно обойти стороной его роль в жизни Грина. По рассказам писателя, именно это слово было первым, которое он сложил и прочитал. Бесспорно, создание моря в своей стране было для Грина особенно важно. Это оговаривает и Амлинский в статье «В тени парусов», написав так: «Грин <...> просто художник, подлинный художник, написавший Свою землю и Свое море»¹⁰⁴. Таким образом, очевидно, что море в Гринландии – явление особое.

Грин так проникновенно и подробно писал о море и морской жизни, что «дореволюционные газетчики, строя догадки, утверждали, что автор “Острова Рено” и “Капитана Дюка” – старый морской волк, который обошел все моря и океаны» (Вихров, I, 10). Такие утверждения были очень далеки от правды, ведь на самом деле писатель побывал всего в нескольких плаваниях, лишь одно из которых состоялось в зарубежный порт.

По итогам вышесказанного можно утверждать, что море неотделимо от Гринландии, с ним «неотрывно связаны любимые гриновские персонажи: матросы и капитаны, охотники, путешественники, девушки, похожие на “живое стихотворение”»¹⁰⁵.

И значение этого явления в творчестве Грина трудно переоценить.

---

¹⁰⁴ Амлинский В. И. В тени парусов: Перечитывая Александра Грина // Грин А. С. Новеллы. М., 1984. С. 11.

¹⁰⁵ Медведева Н. Г. Вымысел vs Мимесис. С. 10.

В первую очередь следует сказать, что море является дорогой между Гринландией и реальным миром. Ведь именно на морском пути впервые мы встречаемся с Гринландией.

И особенно четко прослеживается пересечение с реальностью в рассказе «Встречи и приключения». Он начинается так: «В апреле 1927 года в Феодосию пришел парусник капитана Дюка – “Марианна”, и я уже уговорился с ним о поездке на этом судне до Мессины, откуда имел уже телеграмму от капитана Грея, сообщавшую, что его судно “Секрет” будет ожидать меня для выполнения нашей общей затеи: посещения Зурбагана, Лисса, Сан-Риоля, Покета и иных мест, где произошли события, описанные мною в книгах “Алые паруса”, “Золотая цепь”, “Блистающий мир” и проч.» (VI, 433).

Что примечательно, после всех путешествий по Гринландии со своими героями, домой Грин так же возвращается по морю: «Я лично возвратился пароходом в Суэц, откуда меня доставил в Одессу “Теодор Нетте”, и вместе с паломниками я благополучно достиг порта. В Феодосии я был уже 3 сентября 1927 г.» (VI, 435). Из других рассказов мы знаем, что море – не единственная возможность добраться до Гринландии (и было бы странно, будь это так), но важной деталью является то, что сам автор, сам создатель Гринландии выбирает именно морской путь, путешествуя по стране.

Безусловно, ничего удивительного нет в том, что многие персонажи не представляют своей жизни без моря, от него зависит их судьба. Так, Артур Грэй «родился капитаном, хотел быть им и стал им» (III, 21).

Кроме того, хронотоп моря, пересекающийся с хронотопом дороги, в рассказе «Остров Рено» служит способом встречи с островом, в то время как в романе «Алые Паруса» косвенно является для Ассоль осуществлением мечты.

Море расставляет акценты, подчеркивая особенности человеческой души – может закалить, как Аяна («Пролив Бурь», 1910), а может принести смерть, как Ромелинку («Смерть Ромелинка», 1910).

Море позволяет взглянуть на пейзаж иначе – далекая земля, затянутая голубой дымкой, кажется почти нереальной, несуществующей.

Море не связано никакими условностями – там ходят разные корабли и парусники под разными флагами.

Именно в морском пейзаже выражает Грин все ликование человеческой души. К. Г. Паустовский пишет так: «О море написано множество книг. Целая плеяда писателей и исследователей пыталась передать необыкновенное, шестое ощущение, которое можно назвать “чувством моря”. Все они воспринимали море по-разному, но ни у одного из этих писателей не шумят и не переливаются на страницах такие праздничные моря, как у Грина»¹⁰⁶.

И, безусловно, море у Грина каждый раз играет свою особенную роль – роль пространства (еще раз подчеркнем, в гриновских хронотопах пространство «управляет событиями» больше, чем время). И происходящее в этом пространстве напрямую связано с главными героями произведений. Особенно важен этот хронотоп в «Алых парусах», где Ассоль именно с моря ждет корабль, то есть море является для нее, фактически, Вершителем Судьбы. Она относится к нему как к живому существу: «Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для нее счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из ее власти и обаяния.

В другое время, размышляя обо всем этом, она искренне дивилась себе, не веря, что верила, улыбкой прощая море и грустно переходя к действительности» (III, 48).

Важную роль играет море в романе «Бегущая по волнам». Например, именно волна «приносит» остров, к которому направится Фрези Грант: «... когда на рассвете вахта заметила огромную волну, шедшую при спокойном море и умеренном ветре с юго-востока.<...> Волна прошла, ушла, и больше другой такой волны не было. Когда солнце стало садиться, увидели остров, который ни на каких картах не значился; по пути “Фосса” не мог быть на этой широте остров» (V, 558).

И это – только отдельные моменты, коих на самом деле было гораздо больше.

---

¹⁰⁶ Паустовский К. Г. Жизнь Александра Грина. Т. 5. С. 558

Кроме того, море является еще и «проводником эволюции». Именно оно связывает многие новые поселения, города и острова, а, значит, помогает «открывать» карту Гринландии. В колонию Ланфиер Горн приплывает издалека («Колония Ланфиер», 1910), к Сан-Риолу герои спускаются на плоте («Дьявол оранжевых вод», 1913). В Гель-Гью герой также добирается на паруснике («Бегущая по волнам», 1928), да и другие, более мелкие населенные пункты, часто встречаются читателям именно на морском пути.

В целом, Гринландию невозможно представить без моря и капитанов, что управляют кораблями на морских путях.

И здесь возникает еще один очень важный мотив – «усмирение моря». Его рассматривает Раскина, говоря о том, что «для Грина <...> очень важна тема усмирения стихии, преобразования хаоса»¹⁰⁷. И примеры этому легко находятся в произведениях. Фрези Грант («Бегущая по волнам») не боится никаких штормов, ступая по морским волнам, капитан Грэй («Алые паруса») противостоит морю, побеждая его¹⁰⁸, а Леон Штрих («Огонь и вода») и вовсе пересекает пролив, от отчаяния не замечая, что двигается по воде. Все эти (и некоторые другие) герои оказываются способны как-либо договориться со стихией, а «власть <...> над морем – это <...> воля и “магическое знание”». Таким образом, можно говорить о том, что некоторые жители в Гринландии являются, отчасти, ипостасями магов¹⁰⁹.

III. II. Хронотоп города

Хронотоп города – пожалуй, один из самых сложных и многогранных хронотопов в Гринландии. Отчасти это обусловлено тем, что самые разнообразные города заполняют страну Грина: есть как и маленькие, почти провинциальные, так и огромные, столичные. Разумеется, невозможно рассмотреть все когда-либо упомянутые писателем города, поэтому мы остановим наше внимание лишь на нескольких – тех, что встречаются регулярно и играют значительную роль.

---

¹⁰⁷ URL: <https://gumilev.ru/about/206/>

¹⁰⁸ См.: Там же.

¹⁰⁹ Там же.

Определение городу как урбанистическому пейзажу мы можем найти у И. Н. Сухих: «описание открытого пространства цивилизации как второй природы»¹¹⁰. Он выделяет также две основных тенденции, свойственных этому типу пейзажа: «С одной стороны, попытка показать «зори новой красоты» цивилизации как второй природы, с другой – ужас перед “адищем города” (Маяковский), отчуждающим человека от «первой природы», от других, от самого себя»¹¹¹. Впрочем, обе этих тенденции вполне прослеживаются в разных произведениях Грина.

Первый город, который мы рассматриваем – Сан-Риоль. Читатель впервые встречается с ним в рассказе «Дьявол оранжевых вод» (1913), когда герои стремятся попасть туда каким-либо способом. Чуть позднее нам предоставляется возможность узнать о Сан-Риоле чуть больше, и происходит это так: «Впереди, радуя сердце, опоясали тьму бесчисленные огни – то показался из-за мыса амфитеатр Сан-Риоля – город, битва людей» (I, 403).

Возникает интересное определение, которым Грин характеризует первый город, встреченный читателем в Гринландии: «битва людей». Это определенно соотносится с упомянутым нами выше «ужасом перед адищем города». Больше из этого рассказа ничего толком узнать о Сан-Риоле не удастся.

Следующий раз Сан-Риоль возникает перед нами в рассказе «Сладкий яд города», и определенно подтверждает первое впечатление. О своем визите в Сан-Риоль повествует старый охотник Энох, и лестных отзывов в рассказе мало. По его словам, город – это место, где «множество народа <...> вокруг, <...> разные экипажи, и все это <...> обнесено шестиэтажными домами, каких я никогда не видал» (III, 272). Более того, в Сан-Риоле его обкрадывает мошенник, а затем, в местном театре Энох, не понимающий самой сути представлений, ранит актера из ружья и его, разумеется, выставляют. Полиция возвращает ему деньги, и он остается в Сан-Риоле «жить до тех пор,

---

¹¹⁰ Сухих И. Н. Теория литературы. С. 144.

¹¹¹ Там же.

пока не узнаю всего» (III, 272). Поступает рабочим на мыловаренный завод, но и оттуда вынужден уйти.

Как итог, звучит резюме: «<...> в городе все устроено странно и малопонятно. Лгут, обманывают, смеются, презирают людей ниже или беднее себя и лижут руки тем, кто сильнее» (III, 272).

Не понимает он и девушек, которые в городе ведут себя совсем иначе, и в конце рассказа звучат слова: «Наш дикий простор и суровая наша жизнь – куда лучше духовного городского разврата» (III, 272). Сын, в противовес убеждениям отца, и после этого рассказа еще больше хочет в город. Мы, конечно, понимаем, что так сталкиваются жизнь сельская и городская. Грин, никогда особо не любивший большие шумные города, и в Гринландии часто показывает самые их неприглядные оттенки. Тем контрастней, впрочем, для читателя выглядят «праздничные» (хотя тоже не лишённые городских проблем) Гель-Гью, Лисс и Зурбаган.

Сан-Риоль, впрочем, появляется перед нами еще несколько раз, но ничего особо в нем не изменяется. Интересен, правда, тот факт, что в рассказе «Обезьяна», напечатанном в 1924 году, в Сан-Риольском театре идет постановка «Золотой цепи» – романа, который вышел только в 1925 году. Также, благодаря рассказу «Веселый попутчик» мы узнаем, что город, по видимому, расположен где-то на краю материка, потому что герой, по его собственным словам, «вызвался провести шесть месяцев без денег, в рублище, исходив полуостров от Кэза до Минигама и от Зурбагана до Сан-Риоля» (IV, 363). Кроме того, Сан-Риольская дорога вероятно также является значимой на материке, и уж точно соединяет между собой города Вард и Кэз. Сведения о Сан-Риоле довольно скудны, но он остается в памяти, как первый сравнительно крупный город, встреченный нами в Гринландии.

Одним из наглядных примеров с точки зрения эволюции представлен Грином город Покет. Сначала он возникает мелкими частями в различных произведениях, а затем (в романе «Дорога Никуда») разворачивается вовсю. Так, мы узнаем, что Покет и Лисс соединяет «отличное цементированное шоссе» (VI, 80); что в Покете существует тюрьма и присутствует военный

суд. Интересно также то, что около города находятся дачи, «разбросанные по уступам скал среди пропастей и садов. Эти гнезда солнечно-морской тишины имели сообщение с городом посредством дорог – шоссейной и одноколейной железной» (VI, 155). Отчасти это описание может напомнить Севастопольские предместья. И все же, самая яркая черта города – каторжная тюрьма, «стоявшая в полумиле от Покета» (VI, 333).

Мы упоминали уже дорогу, соединившую Покет с Лиссом, и сейчас обратимся ко второму городу.

Лисс – один из самых важных городов Гринландии. Он, сначала возникающий перед нами как небольшой порт, позднее превращается в город, сравнимый со столицей Гринландии – Зурбаганом. Трансформации происходят достаточно резко: так, в рассказе 1918 года Лисс – маленький порт; затем, в произведении «Состязание в Лиссе» (1921) в городе уже есть политехникум, аэродром и различная авиация. В «Алых парусах» (1922) Лисс показан читателю как город средней величины: Грэй ищет шелк в «торговых кварталах Лисса» (III, 56), а Лонгрэн собирается поступить на «почтовый пароход, что ходит между Кассетом и Лиссом» (III, 64). Там же Ассоль развлекается «шумом, летевшим с его [Лисса – прим. авт.] огромного круга» (III, 65), гуляет по «кольцеобразному бульвару» (III, 65) и на площади играет с фонтаном. На этом преобразование Лисса в наших глазах, по сути, только начинается.

Вообще, про этот город можно сказать, что он с каждым следующим произведением открывается перед нами с новых сторон. В рассказе «Корабли в Лиссе» (1922) город описан тщательно, но все же не кажется очень большим: в подтверждение этому можно вспомнить упомянутые всего лишь «две гостиницы: “Колючей подушки” и “Унеси горе”» (IV, 237). Да и в целом изображение Лисса оставляет ощущение города, компактно расположившегося на скалах.

И – внезапно и удивительно – совсем другой город предстает перед нами в романе «Блистающий мир». Хотя события романа происходят в 1913 году, Лисс – совершенно иной. Это уже крупный город, в котором появились

все необходимые заведения (и, разумеется, необходимый штат людей): тюрьма, университет, завод. По городу ездят трамваи, налажен выпуск газет, а время отмечают башенные часы. Так уютный городок, приютившийся на скалах, в одночасье становится административным центром. Надо сказать, что он по-прежнему «посещался и посещается исключительно парусными судами» (IV, 238).

И все же самый, без сомнения, необыкновенный и фантастичный город Гринландии – ее столица – Зурбаган. Впервые он появляется в рассказе «Лужа бородатой свиньи» (1912), и там Грин называет его «городком». Но уже в следующем рассказе «Зурбаганский стрелок» (1913) и впоследствии Зурбаган предстает перед читателем в облике, который он сохранит (практически без изменений, лишь включая новые и новые детали) до самых последних упоминаний.

Главный герой «Зурбаганского стрелка» возвращается в город после того, как не был там 15 лет, и вот так описывает свои впечатления: «он [Зурбаган – прим. авт.] вырос, изменил несколько вид и характер улиц в сторону банального штампа цивилизации – электричества, ярких плакатов, больших домов, увеселительных мест и испорченного фабричными трубами воздуха, но в целом не утратил оригинальности. Множество тенистых садов, кольцеобразное расположение узких улиц, почти лишенных благодаря этому перспективы, в связи с неожиданными, крутыми, сходящими и нисходящими каменными лестницами, ведущими под темные арки или на брошенные через улицу мосты, – делали Зурбаган интимным. Я не говорю, конечно, о площадях и рынках. Гавань Зурбагана была тесна, восхитительно грязна, пыльна и пестра; в полукруге остроконечных, розовой черепицы, крыш, у каменной набережной теснилась плавучая, над раскаленными палубами, заросль мачт; здесь, как гигантские пузыри, хлопали, набирая ветер, огромные паруса; змеились вымпелы» (II, 211).

Зурбаган – полноценная столица Гринландии, отвечающая всем необходимым требованиям. В нем случаются войны и восстания, и связанные с политикой эпизоды чаще всего происходят именно в этом городе. Зурбаган

расположен у бухты; если ее пересечь – то попадешь напрямиком на Холмы Железного Клина. Такой вывод позволяет нам сделать рассказ «Огонь и вода» (1916). Кроме того, Зурбаган – одна из крайних точек полуострова. Вероятно, гавань его находится рядом с проливом Кассет.

С Запада за городом расположена степь, прямо за ней лежит лес, который выходит к железнодорожной станции. Далеко на западном направлении, у Серых гор, есть чудный городок Ахуан-Скапа, в который люди ходят на золотые прииски. Между этим городом и Зурбаганом лежит пустыня с названием «Аларгетская Долина». Вероятно, город Вард так же расположен с Западной стороны, поскольку в рассказе «Сто верст по реке», который уже разбирался нами при изучении хронотопа дороги, Нок и Гелли подъезжали к Зурбагану именно с Запада, а товарища Нока арестовали в окрестностях Варда. Сравнительно недалеко от Зурбагана находятся высокие, труднопроходимые горы (рассказ «Зурбаганский стрелок»). Скорее всего, река Адара протекает либо по самому городу, либо где-то невдалеке от него (возможно, по равнине).

Зурбаган чаще всего упоминается в произведениях Грина, и это позволяет нам получить наиболее полную информацию об этом городе.

III. III. Хронотоп Мира

Начиная свою страну с произведения «Остров Рено», Александр Грин сразу же «вписывает» ее в реальный мир: в ночном небе виден Южный Крест. Эта деталь позволяет нам определить месторасположение острова: где-то около берегов Австралии. Впрочем, во втором рассказе («Колония Ланфиер», 1910), когда только-только начинает открываться Гринландия, она так же тесно связана с реальным миром. Барок, следующий куда-то в Европу из Голландии, приходит к берегам колонии.

Завязка «Острова Рено» тоже говорит нам о многом. На первых страницах рассказа мы узнаем, что корабль уже стоит недалеко от острова. И, хотя затем становится ясно, что остров незнаком команде корабля, сам момент *внезапного открытия* отсутствует. У читателя возникает ощущение, что остров был всегда на этом месте, что он существовал и существует с

давних времен, а упоминание в тексте Цейлона и Зеландии только подтверждает это.

Так будет и в дальнейших произведениях. Читатель никогда не получает каких-либо намеков на то, что страна на самом деле не существует. Даже в рассказе «Фанданго», где герой совершает «переход между мирами», ни он сам, ни его жена не видят в этом ничего удивительного или нереального. Напротив, его жена, резюмируя, говорит так: «Очень понятно! Все перевернулось и в перевернутии оказалось на своем месте!» (V, 494).

Грин старательно избегает точных географических указаний, но зачастую упоминает тот или иной реальный топоним, известный читателю. Таким образом, анализируя все произведения в целом, можно сделать вывод, что в воображении Грина его страна располагалась где-то недалеко от южной морской границы Китая. Подтверждением этому может служить рассказ «Дьявол Оранжевых вод» (1913). Герой направляется из Австралии в Китай на пароходе, его высаживают в Порт-Мель (он едет без билета). И он спускается по реке Адаре вниз до города Сан-Риоля, откуда, «поступив матросом на “Южный Крест”, и поплыл в Шанхай» (II, 405).

В. Сандлер отмечает: «Совершенно не случайно, нигде в точности не указав координат долготы и широты Гринландии, писатель, как о само собой разумеющемся, писал, словно “путая” реальность с вымыслом, о путешествии из Марсея в Гертон или из Зурбагана в Москву»¹¹². С помощью различных деталей, Грин добивался того, что «так называемая “Гринландия” <...> вписывалась в реальную карту Земли»¹¹³.

Верно это и не только для всей страны, но также для отдельных городов. Широко известны слова Н. Н. Грин: «...красота города [Севастополя] и его своеобразие вошли в него настолько, что послужили прообразом его, Грина, городов – Зурбагана и Лисса»¹¹⁴. С другой стороны, не только от образа черноморского побережья и Севастополя отталкивался писатель. Необходимо учитывать, что черты городов средней полосы России,

---

¹¹² Воспоминания об Александре Грине. С. 7.

¹¹³ Царькова Ю. В уме своем я создал мир иной // Парадигмы: Сб. работ молодых ученых. Тверь, 2000. С. 48.

¹¹⁴ Грин Н. Н. Две поездки // Аврора. 1972. №3. С. 71.

в том числе родной Вятки явственно проглядывают, как минимум, в Зурбагане.

Таким образом, реально существующий мир накладывается на придуманную Грином страну вне пространства и времени, обретая причудливые формы, что тоже является хронотопичным явлением.

Из-за всего этого возникает ощущение, что «страна создана из органического сплава реального и нереального, где ничто нельзя раззять и поменять местами»¹¹⁵.

Несмотря на все вышесказанное, важно учитывать, что Гринландия не становится настоящей, хотя ее и можно «расположить» в реальном мире. М. М. Бахтин указывает на то, что «между изображающим реальным миром и миром, изображенным в произведении, проходит резкая и принципиальная граница»¹¹⁶. Так же он подчеркивает, что «об этом никогда нельзя забывать, нельзя смешивать, как это делалось и до сих пор еще иногда делается, изображенный мир с изображающим миром (наивный реализм), автора – творца произведения с автором-человеком (наивный биографизм), воссоздающего и обновляющего слушателя-читателя разных (и многих) эпох с пассивным слушателем-читателем своей современности (догматизм понимания и оценки). Все подобного рода смешения методологически совершенно недопустимы»¹¹⁷.

С другой стороны, недопустимо и представлять эту границу как что-то непреодолимое, ведь произведение, изображенный в нем мир и реальный мир являются, фактически, симбиотической структурой. Как пишет Бахтин, «произведение и изображенный в нем мир входят в реальный мир и обогащают его, и реальный мир входит в произведение и в изображенный в нем мир как в процессе его создания, так и в процессе его последующей жизни в постоянном обновлении произведения в творческом восприятии слушателей-читателей. Такой процесс можно назвать творческим

---

¹¹⁵ Амлинский В. И. В тени парусов ... С. 11.

¹¹⁶ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 402.

¹¹⁷ Там же.

хронотопом, именно во время него и совершается особая жизнь произведения»¹¹⁸.

В случае с Гринландией отчетливо заметно, что сама страна разделяется на два мира – а, значит, в нее смело можно «вписывать» два различных хронотопа, постоянно пересекающихся и взаимодействующих, но все же различных. Грин разделяет эти миры не по критериям «фантастика-реальность», а по духовному расслоению героев. Одну страну населяют любимые персонажи писателя, воплотившие его представления о должном в человеке. Другая страна – та символическая «упрямая страна дураков», где ходят, «выпячивая грудь», с ножами за пазухой, где царят «свои нравы, мировоззрения, свой странный патриотизм»¹¹⁹.

В Гринландии есть богатые и бедные, власть имущие и не имеющие никаких прав. Отчетливо видно, что мир, созданный Грином «отнюдь не радужен... подчинен той же власти чистогана, которой была подчинена и реальная действительность»¹²⁰. Очень наглядным примером здесь могут служить «Алые паруса»: мир Каперны, с его грубыми, приземленными жителями сталкивается с миром Ассоль и Лонгрена; и, в противовес этому, мир юного Грэя пересекается с миром его родителей, являющихся «надменными невольниками своего положения» (III, 22).

Создавая страну, как мы уже писали выше, по законам логики, Грин следует ей и в устройстве социальной модели Гринландии. Он достаточно достоверно передает главные конфликты и противоречия в обществе того времени, при этом один из основных конфликтов – «конфликт между романтической мечтой и здравым смыслом “мещанина”»¹²¹.

По словам Медведевой, мир Гринландии, хотя и вымышленный, сохраняет «тем не менее антагонизм богатства и бедности, социальные контрасты, репрессивные механизмы государственной машины и т. д.»¹²².

---

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Ковский В. Е. Блестящий мир Александра Грина. Т. 1. С. 21

¹²⁰ Книпович Е. Ф. [Рецензия] // Детская литература. 1941. №3. С. 34. Рец. на кн.: Грин А. С. Рассказы. М., Л., 1940. 290с.

¹²¹ Ковский В. Е. Блестящий мир Александра Грина. Т. 1. С. 21.

¹²² Медведева Н. Г. Вымысел vs Мимесис. С. 10.

С другой стороны, Гринландия остается страной сказочной, а потому в ней появляются и работают законы, немислимые для обыкновенной жизни. Отдельные люди, наделенные способностями свыше, или же в миг отчаяния и острой необходимости способны ходить по воде («Бегущая по волнам», «Огонь и вода»), летать («Блистающий мир»), совершать невозможные действия. И все же подобные примеры являются исключением из правил, уникальным случаем. Н. Г. Медведева пишет: «Так в Гринландии проявляет себя категория чуда, и фантастика как нарушение принятой в тексте меры условности становится существенной частью поэтики Грина»¹²³.

Первое впечатление от Гринландии – весьма спорное. Практически сразу она перестает восприниматься как «страна-сказка»; напротив, по словам Ковского, страна «наделяется противоречивыми чертами реальности, в которой “рыцарей” далеко не всегда ожидали “блеск одежд” и “нежные свиданья”»¹²⁴. В этом плане очень показательным является роман «Блистающий мир»: Лисс открывается читателю совершенно другим. Грин отчетливо показывает «темную сторону Гринландии».

Да и в рассказах наблюдается похожая картина. После тропического «Острова Рено», читатель знакомится с произведением «Колония Ланфиер», где явно преобладает хронотоп той части Гринландии, что приняла в себя все худшее из действительности. При этом Грин отчетливо дает нам понять, что вокруг колонии есть и другой мир. Горн вспоминает «титанические города севера» (I, 299) и «тысячемильные расстояния до них» (I, 299). Таким образом, писатель включает колонию в общий хронотоп мира Гринландии. Это вообще является отличительной чертой страны Грина – практически каждый, даже мимоходом отмеченный поселок, так или иначе обычно связан с остальным миром страны с помощью дороги, прилегающей к какому-либо городу; это позволяет читателям легко воссоздавать картину придуманного мира.

---

¹²³ Там же.

¹²⁴ Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. С. 49

Кроме того, общая поэтика гриновских произведений такова, что позволяет воспринимать Гринландию как страну условных границ. Загвоздкина дает такое определение: «Гринландия – это художественная реальность, наделенная “онтологическим” бытием, специфический гриновский “миф о мире”. <...> Гринландия – это предельно обобщающий, романтически-условный миф XX века, имеющий символическую природу»¹²⁵.

В заключительной главе нашей работы мы рассмотрели некоторые, наиболее важные хронотопы Гринландии и их развитие.

Это хронотоп дороги, включающий в себя мотивы встречи и пути. Это, безусловно, связанный с ним хронотоп морского пути, имеющий особое значение в контексте значения моря для писателя. Еще один хронотоп, хронотоп города, рассмотрен нами на примере нескольких городов: от самых незначительных до важнейшего, столицы Гринландии, Зурбагана. И, наконец, заключительный хронотоп мира включает в себя сопоставление мира реального с миром вымышленным в придуманной Грином стране и социальную обстановку в Гринландии.

---

¹²⁵ Загвоздкина Т. Е. Особенности поэтики романов А. С. Грина. С. 7.

Заключение

Нами была предпринята попытка изучения такой темы как «эволюция хронотопа в Гринландии». Следует учесть, что мы рассматривали эволюцию в двух аспектах. Первый и, безусловно, самый важный – то, какие изменения совершались с течением времени в разных местах Гринландии. Второй, тоже существенный – то, каким образом происходило открытие и последующее развитие Гринландии для читателя.

Во введении нами был поставлен ряд задач, которые были успешно выполнены. Это позволяет сделать следующие выводы.

Жизненный путь А. С. Грина в достаточной степени оказал влияние на создание Гринландии, кроме того, отдельные отражения реальности нашли свое место в произведениях автора.

Гринландия намеренно создавалась и преподносилась читателям как страна, существующая где-то на реальной физической карте. Также мы определили, что, хотя Грин не стремился давать каких-то специальных топографических указаний, но при внимательном прочтении многие из географических объектов достаточно легко «обнаружить» на привычной для нас карте.

Нами было введено и раскрыто понятие «хронотоп», необходимое для полноценного изучения множества хронотопов Гринландии. Подчеркнем, что стране Грина (как отдельному времени-пространству) присущи отдельные свойства, нехарактерные для большинства хронотопов.

Мы сочли нужным провести исследование, касающееся топонимов страны Гринландии. На наш взгляд, названия многих мест были придуманы Грином не случайно; их скрытый смысл позволяет более полно раскрыть отдельные хронотопы.

Мы рассмотрели самые крупные и наиболее значительные хронотопы Гринландии. В первую очередь, мы изучили хронотоп дороги (включающий в себя мотивы встречи и пути). Этот хронотоп очень важен, поскольку именно дорога является связующим звеном между различными пунктами Гринландии. Кроме того, достаточно большое количество значимых для героев (и сюжета произведения) событий тоже происходили на дороге.

С хронотопом дороги напрямую связан хронотоп морского пути, который мы, разумеется, не могли обойти стороной. Изучая биографию писателя, мы определили, что море играло в его жизни очень важную роль, и он наглядно отразил это в своих произведениях.

Кроме того, мы рассмотрели море с точки зрения его как «реального объекта», так и «принципа морской стихии», «комплекса моря». Это позволило сделать выводы о безусловной метафизической важности хронотопа морского пути в произведениях А. С. Грина.

Так же мы очень подробно остановились на хронотопе города. Мы изучили, какие реальные города нашли отражение в городах Гринландии. Нами было проведено исследование, касающееся возникновения и развития городов в разных произведениях, в которых существует Гринландия. Таким образом, мы смогли определить местоположение некоторых городов по отношению к другим объектам и друг другу на карте страны.

Заключительным хронотопом нашего исследования стал хронотоп мира Гринландии. Мы затронули социальную модель этого мира и обратили внимание на неправильность восприятия страны, как действительно реальной.

Подводя итог, можно сказать, что эволюция хронотопа Гринландии – тема очень обширная и по-прежнему требующая исследований. Темами для дальнейшего изучения могут стать не затронутые нами хронотопы (хронотоп воздушного пространства, хронотоп сельской местности и др.), а так же эволюция времени-пространства в Гринландии в разнообразных ее проявлениях.

Список использованной литературы

Источники:

1. *Грин А. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1980.
2. *Грин Н. Н.* Записки об А. С. Грине // Литературная Россия. 1970, 21 авг. №34. С. 12–13, 22.
3. *Грин Н. Н.* Воспоминания об А.С. Грине. Феодосия; М., 2005. 400 с.
4. *Калицкая В. П.* Моя жизнь с Александром Грином: Воспоминания. Письма. Феодосия; М., 2010. 256 с.
5. *Россельс В. М.* А. Грин: Из неизданного и забытого // Литературное наследство. Том 74. Из творческого наследия советских писателей. М., 1965. С. 629–649.
6. *Соколов-Микитов И. С.* Человек из Зурбагана. Страницы воспоминаний // Литературная Россия. 1974. №20. С. 10.
7. Воспоминания об А. С. Грине / Сост. В. Сандлер. Л., 1972. 607 с.

Исследования:

8. Автобиография. Писатели. Автобиографии и портрет современных русских прозаиков / Под ред. В. Г. Лидина. М., 1928.
9. А. С. Грин: взгляд из XXI века. К 125-летию Александра Грина: сб. статей по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». Киров, 2005. 284 с.
10. Загадочные имена Александра Грина // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/glavnoe/2000/08/22/literatura-v-mire/zagadochnye-imena-aleksandra-grina> (Дата обращения: 06.02.2016)
11. *Амлинский В. И.* В тени парусов: Перечитывая Александра Грина // Грин. А. С. Новеллы. М., 1984. С. 5–22.
12. *Андреев А. Р.* Бегущий за алыми парусами. М., 2012. 190 с.
13. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М., 1975. С. 234–407.
14. *Беспалова И.* Человек, подаривший мечту: А. Грин // Смена. 2008. № 3. С. 140–147.
15. *Бондаренко Г. В.* Феерия навсегда!: К 120-летию со дня рождения А. Грина // Завтра. 2000. № 32. 8 авг.

16. *Борисов Л. И.* Александр Грин и его творчество // Грин А. С. Алые паруса. Бегущая по волнам. Иркутск, 1975. С. 3–7.
17. *Варламов А. Н.* Александр Грин. М., 2005. 452 с. (Жизнь замечательных людей; Сер. биограф.; Вып. 919).
18. *Варламова Л. М.* Музей Грина. Феодосия. Старый Крым. Путешествие в страну Гринландию. Симферополь, 2005. 112 с.
19. *Вихров В. С.* Рыцарь мечты // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1980. Т. 1. С. 3–44.
20. *Загвоздкина Т. Е., Попов Ю. П.* Время и пространство в романтическом мире А. Грина: От новеллы к роману // Жанр рассказа в русской и советской литературе. Киров, 1983. С. 92–112.
21. *Загвоздкина Т. Е.* Особенности поэтики романов А. С. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 215 с.
22. *Галицких Е. О.* «Алые паруса» Александра Грина – от метафоры к символу XX века // Литература – приложение к газете Первое сентября. 2002. № 5. С. 2–3.
23. *Дрягин Е.* В стране воображений // Грин А. С. Блестящий мир; Бегущая по волнам; Золотая цепь: Романы. Симферополь, 1983. С. 3–10.
24. *Емельянова Г. И.* Путешествие в удивительную страну «Гринландию»: лит. турнир к 120-летию А. Грина // Библиотека. 2000. № 7. С. 82–85.
25. *Зелинский К. Л.* Жизнь и творчество А. С. Грина // Грин А. С. Фантастические новеллы. М., 1934. С. 3–35.
26. *Зинин С. И.* Антропонимический мир Гринландии: Имена собственные в произведениях А. Грина // Восточнославянская ономастика. М., 1979. С. 317–329.
27. *Книпович Е. Ф.* [Рецензия] // Детская литература. 1941. №3. С. 34. Рец. на кн.: Грин А. С. Рассказы. М., Л., 1940. 290с.
28. *Кобзев Н. А.* Некоторые особенности творческого метода А. Грина // Вопросы русской литературы. 1969. Вып. 3. С. 43–48.
29. *Кобзев Н. А.* Роман Александра Грина (проблематика, герой, стиль). Кишинев, 1983. 140 с.
30. *Ковский В. Е.* Романтический мир Александра Грина. М., 1969. 266 с.
31. *Ковский В. Е.* Блестящий мир Александра Грина // Грин А. С. Собр. соч.: в 5 т. М., 1991. Т.1. С. 5–36.

32. *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. 352 с.
33. *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // *Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1.* Таллин, 1992. С. 413–447.
34. *Михайлова Л.* Психология необычного. Заметки в творчестве А. Грина // *Литературная Россия.* 1972. №18. С. 22.
35. *Медведева Н. Г.* Вымысел vs Мимесис. Очерки русской литературы XX–XXI вв. Ижевск, 2014. 128 с.
36. *Мельникова Л.* Преодолев «нестерпимую привычность имен...» (собственные имена в творчестве А. С. Грина) / Сост. А. А. Ненада. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество: Статьи, очерки, исследования: [К 130-летию со дня рождения]. Феодосия, 2010. С. 91–95.
37. *Донецких Л. И., Попа Н. Д.* Обобщенно-эстетическое значение цветописи. А. С. Грина // *Изучение языкового строя в свете ленинской теории отражения.* Кишинев, 1984. С. 91–101.
38. *Паустовский К. Г.* Жизнь Александра Грина // *Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 6 т. М., 1957. Т. 5.* С. 554–570.
39. *Паустовский К. Г.* Александр Грин // *Собр. соч.: в 6 т. М., 1957. Т. 2.* С. 487–699.
40. *Раскина Е.* Духовная наполненность путешествий в творчестве А. С. Грина и Н. С. Гумилева // *Николай Гумилев: электронное собрание сочинений. 1997–2016.* [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/206/> (Дата обращения: 29.01.2016)
41. *Руденко И.* Алые паруса ждут попутного ветра // *Грин А. С. Романы. Рассказы.* М., 2008. С. 7–10.
42. *Саидова М. Е.* Метафоричность романтических новелл А. Грина // *Статьи по филологии. Сб. научн. работ аспирантов фак-та. рус. яз. и лит. Тадж. ун-та. Душанбе, 1972. Вып. 3.* С. 52–70.
43. *Саидова М. Е.* Пейзаж в романтических рассказах А. Грина // *Статьи по филологии. Сб. научных работ аспирантов фак-та рус. яз. и лит. Тадж. ун-та. Душанбе, 1971. Вып. 2.* С. 30–51.
44. *Сандлер В.* Встречайте, к вам идет Грин! // *Аврора.* 1972. №3. С. 68–72.

45. Сукиасова И. М. Материалы из творческой лаборатории А. С. Грина // Литературная Грузия. 1973. №5. С. 87–92.
46. Сухих И. Н. Теория литературы. Практическая поэтика: Учебник / Учебно-методический комплекс по курсу «Теория литературы. Практическая поэтика». СПб., 2014. 352 с.
47. Тарасенко Н. Ф. Дом Грина: Краеведческий очерк. Симферополь, 1979. 96 с.
48. Топоров В. Н. О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. 624 с.
49. Фрай М. Дорога Никуда // Книга для таких как я. М., 2002. С. 145.
50. Харчев В. Сказки пишут для храбрых // Грин А. Блистающий мир: Романы, феерия. Орджоникидзе, 1983. С. 439–445.
51. Хрулев В. И. Условный и реальный мир в творчестве Александра Грина // Филол. науки. Науч. докл. высш. школы. 1976. №6. С. 3–13.
52. Хрулев В. И. Мироощущение А. С. Грина и «Алые паруса» // Учен. зап. Балканского ун-та. Уфа. 1970. вып. 44. // Серия филол. наук. №17. С. 257–270.
53. Царькова Ю. В уме своем я создал мир иной // Парадигмы: Сб. работ молодых ученых / Под общ. ред. И. В. Фоменко. Тверь, 2000. С. 45–54.
54. Чудаков А. П. Предметный мир литературы // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 251–306.
55. Шевцова Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина (мотивный аспект): автореф. дис. ... канд. фил. наук.. Елец, 2003. 165 с.

Приложение

1. Карты Гринландии

Разумеется, мир такого масштаба не мог остаться без внимания у самых различных исследователей. Некоторых из них Гринландия привлекала до такой степени, что они создавали карту этого мира.

Карт существует несколько, и, хотя, в интернете их все найти невозможно, некоторые обнаруженные кажутся достаточно близкими к данным рассказов. Так, например, встретила карта (автор – Владимир Адеев), на которой Зурбаган, Каперна, Лисс, мыс Гордона, Лисский маяк, река Лилиана, кладбище кораблей, церковная община голубых братьев, Сан-Риоль накладываются на карту реально существующих мест Севастополя. Несмотря на некоторые нюансы, такая версия выглядит вполне правдоподобной.

Кроме того, в литературно-мемориальном музее А. С. Грина карта панно расположена прямо на стенах. Рассчитывал ее Г. И. Золотухин, а создал – С. Г. Бродский. По рассказам очевидцев, на ней охвачено огромное количество упомянутых в произведениях мест, но, к сожалению, в интернете увидеть ее целиком невозможно.

Есть еще много версий карт Гринландии, но во многих наличествуют заметные недостатки, не состыковывающиеся с той информацией, которую нам передает в своих произведениях А. С. Грин.

2. Топографический указатель

Необходимо иметь в виду, что количество охваченных писателем объектов – огромно, и не везде встречаются уточнения относительно них.

Нами был составлен такой список с максимальным охватом разнообразных мест Гринландии:

I том

1909, «Остров Рено» – остров Рено (в небе – Южный крест, рядом Цейлон и Зеландия)

1910, «Колония Ланфиер» – Колония Ланфиер, Архипелаг

1910, «Пролив Бурь» – Пролив Бурь

1913, «Дьявол оранжевых вод» – Порт-Мель (город), Сан-Риоль (город), Адара (река)

1912, «Трагедия плоскогорья Суан» – Суан (плоскогорье/городок)

1912, «Жизнь Гнора» – Аш (остров), Архипелаг

II том

1911, «Позорный столб» – Кантервильская колония

1913, «Табу» – Орпозо (остров)

1912, «Синий каскад Теллури» – Южный порт (город)

1913, «Далекий путь» – высота Сениара

1915, «Наследство Пик-Мика» – Арвентур (?)

1913, «Зурбаганский стрелок» – Зурбаган (город), Хассавера (леса),

Чистые Озера

1911, «Лунный свет» – Лягушачий мыс

1913, «Всадник без головы (Рукопись XVIII столетия)» – Тусенбург

(город), Цукервальд (роща)

1914, «Эпизод при взятии форта “Циклоп”» – Циклоп (форт)

1913, «Глухая тропа» – Кушельские озера

III том

1916-1922, «Алые паруса» – Лисс (город), Каперна (поселение), Кассет

(город), Дубельт (город), Лилиана (река)

1921-1923, «Блистающий мир» – Лисс, Сан-Риоль (город), Эльт (город),

Ард (округ), Азуджа (?), Гвинкль (поселок)

1915, «Искатель приключений» – Лилиана (город)

1913, «Сладкий яд города» – Адара, Вадр (город), Зурбаган, Антоннила

(река), Сан-Риоль

1915, «Капитан Дюк» – Община Голубых Братьев (деревня), Кассет

(пролив), Зурбаган, Вард (город), Алан (город)

1915, «Охота на хулигана» – Ахуан-Скапа (пороги), Чентиссар (озеро)

1915, «Возвращенный ад» – Херам (город), Гош (озеро), Кассет, роща

Заката

1913, «Продавец счастья» – Зерра (река), Хассавера (город), Таниль (?)

1916, «Наказание» – Юргенка (речка)

1914, «Редкий фотографический аппарат» – рудники Западной

Пирамиды, Зурбаган, «Ленивая Мать» (статуя)

IV том

1925, «Золотая цепь» – мыс Гардена, Флиренский маяк за ним, Лисс,

его предместье Сигнальный пустырь, Сигнальная Бухта, Риоль (Сан-

Риоль?), Бенарес (?), острова Ката-Гур, Ахуан-Скапа (город), Ледяной

Ручей, Лендинггент (?)

1923, «Сердце пустыни» – Кордон-Брюн (алмазные россыпи), Альпетри (водопад), Кордон-Руж (порт?), Танкос (?), линия между Кордон-Брюн, Бан (озеро)

1923, «Лошадиная голова» – Лошадиная Голова (пропасть)

1923, «Словоохотливый домовый» – Грес (станция)

1916, «Сто верст по реке» – Зурбаган, Вард, Ангрская дорога

1923, «Убийство в Кунст-Фише» – Кунст-Фиш (предместье)

1923, «Приказ по армии» – Фиттенбрюн (?) и Висенбург (?)

1924, «Бродяга и начальник судьбы» – висячие сады герцогини

Джоанны Фиоритур, горы и долины Эвареска

1924, «На облачном берегу» – Органная Гора

1922, «Корабли в Лиссе» – Лисс, Зурбаган, Кассет (пролив, через него плывут в Ахуан-Скапу)

1923, «Ива» – Адара (река), Ахуан-Скапа, Сан-Риоль

1925, «Серый автомобиль» – Аламбо (город), гонки между Лиссом и Зурбаганом (дорога), ущелье Калло, Глен-Арроль (?)

1924, «Веселый попутчик» – Сан-Риольская дорога между Вардом и

Кэзом, полуостров от Кэза до Минигама, от Зурбагана до Сан-Риоля

1915, «Ночью и днем» – племя Роддо-Бану-Скап

1915, «Поединок предводителей» – Изамет (озеро), Кинобай (озеро)

1916, «Слепой Дей Канет» – Кип (?), Милет (река), Милетская долина

V том

1928, «Бегущая по волнам» – Лисс, Гор-Сайн (?), Гель-Гью (город), Тоуз (?), Кассет, Зурбаган, Дагон (город), Сан-Риоль, Покет (город),

памятник Бегущей по волнам, Латорн (?), Сан-Губерт (?), Лега

(неподалеку от Сан-Риоля), Салер (?), Дибль (?), колония прокаженных

миль двести от Лега вверх по реке Тавасса, Капароль (остров), Аквитэн

1929, «Джесси и Моргана» – Лисс, Жемчужный водопад, Гель-Гью,

Ламмерик (?), Покет, Манкарн (деревня), Песчаный круг (предместье

Лисса), Брикет (?), Нантерн (?), берег Дремучих лесов, Поющих Ручьев

1926, «Чужая вина» – Руанта (река), группа озер между Конкаибом и

Ахуан-Скапом

1924, «Гатт, Витт и Редотт» – алмазные копи Виверы

1926, «Личный прием» – Аламбо

1926, «Нянька Гленау» – Покет, Коломаха (?)

1917, «Огненная вода» – замок Пелегрин

1924, «Голос сирены» – Ангудор (?)

1918, «Вперед и назад» – Зурбаган, Ахуан-Скапа, Аларгетская долина,

Серые горы

1924, «Заколоченный дом» – Амерхоузен (город), Дитсгейм (?)

1927, «Фанданго» – Зурбаган

1928, «Элда и Анготэя» – Тэринкурские холмы

VI том

1929, «Дорога Никуда» – Покет (город), Сан-Риоль, Морской берег

Ахуан-Скапа, Зурбаган, Гринленд (материк?), Гель-Гью (город), Сан-

Фуэго (?), Лисс, Вильтон (?), Блек (?), Лавераз (?), Рульпост (?),

Даккар(?), Зеране (рудничный городок), дорога из Тахенбака в Гертон,

Пейва (?), Мейкла и Саардан (?), Латр (?), Ингальт-Гаузе (?)

1916, «Вокруг света» – Зурбаган, Альми (посёлок)

1923, «Как бы там ни было» – Лисс

1916, «Пьер и Суринаэ» – Зурбаган, Кассет

1917, «Создание Аспера» – Энгра (долина), Гаррах (поселок), Зурбаган

(город)

1927, «Обезьяна» – Претория (?), Кордон-Брюн и река Ис-Ис

1916, «Огонь и вода» – холмы Железного Клина и /через бухту/

Зурбаган

1927, «Два обещания» – Покет

1917, «Враги» – Зурбаган, Мизоген (?)

1916, «Отравленный остров» – южная часть Тихого океана, остров

Фарфонте, Ахуан-Скапа

1927, «Легенда о Фергюссоне» – долина Поющих Деревьев, море

между Покетом и Болотистым Бродом, поезд из Гель-Гью в Доччер,

станция Лим, Таулокская гора, Котомаха (?)

1911, «Лесная Драма» – плато Святого Терентия, Порт-Энн (?)

1922, «Новогодний праздник отца и маленькой дочери» – Коменвиль

(город)

1923, «Путешественник Уф-Фью-Эой» – Ножан (?)

1925, «Четырнадцать футов» – Солнечные Карьеры, Плоский Камень

(обломок скалы по дороге), Асценда (река), Солнечные Горы (правее

реки)

1960, «Встречи и приключения» – переплетение реальных городов и

Гринландии, Зурбаган, Лисс, Сан-Риоль, Покет, Тух (близь Покета,

город), Каперна, Лисс и мыс Гардена рядом

1927, «Слабость Даниэля Хортона» – Сан-Риоль, Покет

1929, «Ветка Омелы» – автобусная линия между Гертоном и

Тахенбаком

1929, «Вор в лесу» – Гертон, мимо него и вверх река Ам, 600 миль от

Покета, Гель-Гью, притоки реки Ам Декульт и Мейран (по берегам

озера)

1933, «Бархатная портьера» – Покет, Сайгон (?)

1933, «Пари» – Фельтон (город), Магескан (остров), неподалеку от

Мадагаскара

1933, «Комендант порта» – Гертон

Материал действительно обширный, идентифицировать некоторые места и вовсе не представляется возможным, и, разумеется, никто не сможет представить себе карту Гринландии так, как мог это Грин.